

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Материалы заседания
29 октября 2022 года

ДОКЛАДЧИКИ:

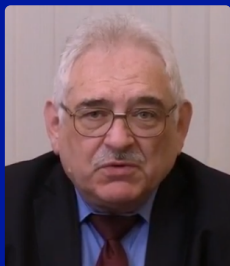
Кузнецов Александр Владимирович

к.э.н., учредитель и директор
международной школы "5 Steps Academy" (Сингапур),
член Американской психологической ассоциации

Косарецкий Сергей Геннадьевич

к.п.н., директор Центра общего и дополнительного образования
Института образования Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Шнейдер Михаил Яковлевич

директор ГБОУ г. Москвы «Школа №45 им. Л.И. Мильграма»

НКС ООИ РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Общее образование: проблемы и решения

Материалы заседания 29 октября 2022 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2023

УДК 373.014(470+571)(066)

ББК 74.2.04(2Рос)я43

О-28

Общее образование: проблемы и решения: материалы заседания 29 октября 2022 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 148 с. — ISBN 978-5-6049084-1-9.

В сборник вошли материалы совместного заседания Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН и НИИ Доверия, Достоинства и Права, посвященного проблемам школьного образования.

Не секрет, что существующие современные образовательные системы не всегда эффективны. У учителей, учеников, родителей и у общества в целом есть вопросы к организации и качеству образования. Что стоит изменить, чтобы дети во время обучения могли раскрыть свои таланты, а выпускники школ вступали во взрослую жизнь более подготовленными?

Докладчики и выступающие не только обозначили проблемы в организации школьного образования в России, поделились опытом работы школ за рубежом, в частности, в Сингапуре, но и высказали ряд конкретных предложений, направленных на совершенствование учебного процесса

УДК 373.014(470+571)(066)

ББК 74.2.04(2Рос)я43

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6049084-1-9

© Тосунян Г.А., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	14
ДОКЛАД 1 к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.	20
<i>проф.</i> КАЛАШНИКОВ С.В. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	46
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	48
<i>чл.-корр.</i> ТОЩЕНКО Ж.Т. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	52
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	56
<i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	58
ЛОГИНОВ И.Э. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	59
<i>проф.</i> БУЛАНОВА М.Б. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	61
ШНЕЙДЕР М.Я. – <i>к. социол. н.</i> ЕПИХИНА Ю.Б.	63
БАЛАКИН С.В. – <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	64
ДОКЛАД 2 к. п. н. КОСАРЕЦКИЙ С.Г.	66
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – <i>к. п. н.</i> КОСАРЕЦКИЙ С.Г.	82
<i>проф.</i> БУЛАНОВА М.Б. – <i>к. п. н.</i> КОСАРЕЦКИЙ С.Г., <i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	83
ДОКЛАД 3 ШНЕЙДЕР М.Я.	95
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	106
<i>к. социол. н.</i> ЕПИХИНА Ю.Б. – <i>к. п. н.</i> КОСАРЕЦКИЙ С.Г.	108
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	110
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф.	111
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	115
<i>проф.</i> МЕДВЕДЕВ П.А., <i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф., ШНЕЙДЕР М.Я.	116

<i>акад.</i> НИГМАТУЛИН Р.И.	121
<i>к. э. н.</i> КЛЕПАЧ А.Н.	127
<i>к. э. н.</i> САРКИСЯН Т.С.	129
<i>к э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В., <i>акад.</i> НИГМАТУЛИН Р.И., <i>к. э. н.</i> КЛЕПАЧ А.Н.	131
<i>акад.</i> НИГМАТУЛИН Р.И.	135
ШНЕЙДЕР М.Я.	136
<i>к. э. н.</i> КУЗНЕЦОВ А.В.	138
<i>акад.</i> ГУСЕЙНОВ А.А.	139
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	143

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ академик, д. филос. н., научный
АБДУСАЛАМ руководитель Института философии РАН
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

КОКОЩИН академик, д. и. н., директор Центра
АНДРЕЙ перспективных исследований национальной
АФАНАСЬЕВИЧ безопасности России Экспертного института
НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН академик, д. ю. н., президент Ассоциации
ГАРЕГИН российских банков
АШОТОВИЧ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО к. э. н., эксперт Национального
НИКОЛАЙ исследовательского института Доверия,
ВИТАЛЬЕВИЧ Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН академик, д. ф.-м. н., директор Института
АРУТЮН системного программирования
ИШХАНОВИЧ им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН академик, д. э. н., профессор, заведующий
АБЕЛ кафедрой экономической теории и политики
ГЕЗЕВИЧ Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте РФ

АПОЛИХИН чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии
ОЛЕГ и интервенционной радиологии
ИВАНОВИЧ им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ
радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный
сотрудник отдела методологических и
междисциплинарных проблем развития
науки Института истории естествознания и
техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-
секретаря ОХНМ РАН, начальник
лаборатории Всероссийского НИИ
авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института
социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им. О.Е.
Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель
Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской
общественной организации «Деловая
Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой банковского дела и страхования
ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель
Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., руководитель отдела международных рынков капитала Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

иностраный член РАН, д. социол. н., член президиума Национальной академии наук Республики Армения

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

- ТОЩЕНКО**
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ
- чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
- УГРЮМОВ**
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ
- академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН
- УШАКОВ**
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ
- академик, д. п. н., директор Института психологии РАН
- ХАБРИЕВА**
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА
- академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России
- ЧЕРЕШНЕВ**
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
- академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН
- ЧЕРНЫШ**
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ
- чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
- ЧЕХОНИН**
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ
- академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова
- ШАБУНОВА**
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА
- д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН
- ЭКМАЛЯН**
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ
- д. филос. н., профессор
- ЮРЕВИЧ**
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ
- чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели проходят рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых принимали и принимают участие банкиры,

представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый рабочий завтрак проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение **траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!**

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и рабочие завтраки можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на рабочих завтраках, и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 82 рабочих завтрака у Тосуняна, большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий...» выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой дискуссии дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории «Открытой дискуссии...» в среднем составляет **около 2 тыс. человек**.

Последние два года проводится одна «Открытая дискуссия...» в месяц.

За 10 лет состоялось 73 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии...».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН, президент Ассоциации российских банков

Начнем наше заседание Научно-консультативного совета ООН РАН и НИИ Доверия, Достоинства и Права, которое проходит в Zoom-формате рабочего завтрака.

Сегодня мы вынесли на обсуждение вопросы общего образования в России и не только. Конечно, будем говорить об опыте и других стран.

Повестка дня: «Современные школьные образовательные системы и факторы их эффективности: что и почему работает».

По этому вопросу у нас докладчик Кузнецов Александр Владимирович, которого я очень рад видеть сегодня.

Александр в свое время работал в системе нашего Межбанковского финансового дома (МФД) и создал в Ростове-на-Дону соответствующую структуру, которая была партнером МФД в этом регионе.

Кузнецов А.В. – математик, врач и психолог.

Не удивляйтесь такому широкому спектру образования, поскольку базовое образование он получил в МФТИ, выпускникам которого все науки подвластны.

Вы знаете, что физтех – это вуз наивысшей категории.

Когда я учился на физфаке МГУ, даже для нас физтеховцы были не просто «собратьями по разуму», но, в некотором смысле, воспринимались нами как высшая элита среди физиков.

Мы на них с некоторой завистью смотрели.

Потом Александр Владимирович работал на финансовом рынке после окончания МФТИ, кандидатскую в экономике защитил.

Позже он ушел в административно-политическую сферу: был вице-мэром Ростова-на-Дону.

Если что-то не так, Саша, ты меня поправишь или дополнишь.

Вице-мэром поработал, будучи очень молодым, в 30-летнем возрасте.

Потом закончил психологический факультет, потом еще и медицинскую специальность приобрел.

Более подробно, надеюсь, Александр Владимирович сам о себе расскажет в процессе своего доклада, поскольку его тема охватывает проблемы профессионального роста.

Если Вы раскроете собственную эволюцию в своем образовательном процессе, нам было бы интересно услышать.

Член Американской психологической ассоциации, учредитель и директор международной школы «5 Steps Academy» в Сингапуре.

И вот сейчас я спросил, и Саша сказал, что уже 10 лет не был в России.

Я о его деятельности много слышал. С удовольствием наблюдаю, как он развивает неординарные образовательные программы на международном уровне.

Любопытно, что эту школу он создал, переехав в Сингапур. Видимо, так удобнее.

Представлю и других докладчиков, а потом мы вернемся к первому докладчику.

Второй пункт повестки дня: «Зависимость качества образования от его организации и финансирования».

Здесь докладчиком будет Косарецкий Сергей Геннадьевич, кандидат психологических наук, директор

Центра общего и дополнительного образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», эксперт в сфере общего образования.

И третий пункт повестки дня – это «Зависимость качества общего образования от его организации и финансирования».

Докладчик – Шнейдер Михаил Яковлевич, директор школы № 45 им. Л.И. Мильграма, это одна из ведущих гимназий Москвы.

Очень здорово, что Михаил Яковлевич, практикующий преподаватель, директор, согласился принять участие в нашем сегодняшнем заседании.

Предлагаю нашим докладчикам помимо освещения собственных тем в процессе своих выступлений в той степени, в какой это будет комфортно, обозначить свое мнение по следующим вопросам:

- насколько качественно сегодня общее образование в нашей стране;
- какой лучший мировой опыт организации нашего образования интересен для нашей страны, с вашей точки зрения;
- как помочь ребенку раскрыть свои таланты;
- насколько достаточно финансирование общего образования в РФ.

Вряд ли кто-то из присутствующих сомневается, что уровень цивилизованности общества в современном мире в значительной мере определяется уровнем образованности (конечно, здесь нет простой линейной зависимости, но она значительная!).

А уровень образованности сильно зависит от реального, а не декларативного права на образование.

И это право рассматривается как одно из фундаментальных естественных прав человека.

В России основы общего образования закреплены в Конституции, согласно которой «каждый имеет право...».

43-я статья Конституции гласит: «Каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования».

Основное общее образование обязательно.

И Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

Неудивительно, что в обществе, считающем себя развитым и социально ориентированным (я надеюсь, мы себя таковым считаем), значимость образования имеет конституционное закрепление.

Но здесь остается много вопросов.

Вопрос не только нормативно-правового закрепления бесплатного образования, но и других форм поддержки и финансирования.

Если обратиться к содержанию самого этого понятия, образование – это в первую очередь повышение уровня знаний, компетенций через обучение.

Но вместе с тем (мы наверняка сегодня должны обозначить и сделать на этом акцент) образование – это и формирование ценностных установок, это формирование личности, это возможность раскрытия и поддержки талантов.

Кстати, сразу анонсирую.

На одном из ближайших заседаний (сегодня не смог принять участие) выступит Дмитрий Викторович Ушаков, академик, директор Института психологии РАН, на тему «Как помочь ребенку раскрыть свои таланты».

Так что имейте в виду, кого это интересует, отслеживайте повестку.

За общими декларативными формулировками законодательных норм, конечно, стоят вопросы качества образования, потому что можно декларировать одно, а на практике столкнуться с другим.

Наша задача понять уровень качества.

Если говорить о среднем образовании, то интересно посмотреть на международные рейтинги оценки образовательных достижений учащихся.

Этот рейтинг оценивает грамотность школьников в разных странах и умение применять эти знания на практике.

Он проводится раз в 3 года, последнее исследование было в 2018 году, в ковидное время не проводилось.

В России приняли участие более 200 школ из 43 регионов. Если я даю какие-то неверные данные, меня коллеги поправят.

Результаты России:

- **по читательской грамотности Россия занимает 31-е место;**
- **по математической грамотности – 30-е место;**
- **по естественно-научной грамотности – 33-е место.**

Уровень примерно третьего, на грани четвертого десятка.

Соседи России по рейтингу – европейские страны: Италия, Люксембург и ряд других государств.

В лидерах рейтинга по всем трем направлениям (и здесь очень важно обратить на это внимание) являются Китай, Сингапур и Макао.

Также среди лидеров из других регионов мира – Канада, Финляндия, Япония.

Поэтому про конкурентоспособность российской системы образования у нас сегодня отдельное выступление заявлено.

Мы сейчас пойдем по повестке дня.

Я краткую справку дал для затравки.

Пожалуйста, слово Александру Владимировичу Кузнецову. Он попросил 35 минут, а потом, как всегда, будет обсуждение.

Час на каждый доклад с обсуждением мы можем выделить.

Пожалуйста, «Современные школьные образовательные системы и факторы их эффективности: что и почему работает».

ДОКЛАД 1

КУЗНЕЦОВ А.В.

к. э. н., учредитель и директор международной школы «5 Steps Academy» (Сингапур), член Американской психологической ассоциации

Спасибо, Гарегин Ашотович. Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Для меня это честь – сегодня присутствовать на завтраке.

Это второй раз, когда я присутствую на завтраке. Последний был ровно 30 лет назад.

Помните, Гарегин Ашотович? Я помню, там был Николай Витальевич Редько, Борис Федоров – он тогда еще не был министром финансов, Каха Бендукидзе – он еще не уехал в Грузию министром экономики, и многие другие яркие личности той эпохи.

Тосунян Г.А.: Федоров был в это время вице-премьером – министром финансов.

Мы тогда только-только с ним познакомились и подружились, когда я на Старой площади раскритиковал Правительство, в котором он уже был министром.

Кто еще? Вспомни, очень интересно.

Кузнецов А.В.: Уже не помню, но я помню, что был хаш. Это первый раз, когда я попробовал хаш.

На меня все это произвело большое впечатление, потому что эти имена и Гарегин Ашотович, парящий над всем этим. Как боги какие-то для меня были.

Мне шел 21-й год. Так что у меня самые теплые воспоминания.

Я очень рад и немного волнуюсь, что я сам на завтраке теперь выступаю.

Я хотел бы сосредоточиться на одном главном вопросе: что вообще работает в классе и в школе, какие факторы?

Лучшие в мире умы постоянно задаются вопросом, как вообще организовать обучение на уровне школы, на уровне класса, на уровне государства, чтобы ученики учились быстрее и качественнее.

Я являюсь директором и основателем международной школы «5 Steps Academy» – это школа ускоренного образования, персонифицированного ускоренного образования.

То, что мы делаем, я немножко этого тоже коснусь, возможно только в маленьких классах.

У нас классы не больше 8 человек.

Некоторые вещи, которые мы делаем и которые подтверждены доказательной базой (я сейчас о ней буду говорить), можно реализовать в любой школе в принципе.

Я хотел бы остановиться на трех таких разделах:

- типы образовательных систем;
- факторы, скорость и качество обучения (это самое вкусное и самое интересное);
- и что мы, собственно, можем в России сделать.

Конечно, мы можем классифицировать то, что происходит в мире, по множеству критериев, но я выбрал четыре.

1) Джуниор колледж – младший колледж.

Дело в том, что в ряде стран, например, в России, в Аргентине, в Индии, нет того, что в большинстве школ образовательной системы мира есть – такой «прослойки» между школой и университетом, когда ученик выбирает 3–4 специализированных предмета и по ним целенаправленно уже готовится к поступлению в университет.

Они по сложности соответствуют 1-му курсу института.

У нас есть специализация некоторая, насколько я знаю, в российских школах.

Я говорю «у нас в России», хотя я 10 лет в Сингапуре.

В России в 10–11-х классах есть факультативы в некоторых школах, возможности выбрать ряд предметов, но в целом это далеко от того уровня специализации, который есть в 11–12-х классах в тех странах, в которых есть джуниор колледж перед поступлением в вуз.

Ученики в странах, в которых нет этой системы, имеют возможность поступить на так называемый Foundation Level.

Они не могут начать обучение на 1-м курсе университета – в международных университетах, я имею в виду в США, в европейских университетах, в Великобритании – до тех пор, пока они не прошли узкоспециализированный подготовительный период.

В Сингапуре, в частности, есть джуниор колледж, где человек выбирает конкретно 3–4 предмета и их учит.

Если ты хочешь быть врачом, то, естественно, тебе нужно выбрать химию, биологию; если математиком или программистом – математику и программирование. Они учат только это, глубоко туда углубляются.

2) Второй критерий – это учебные программы и стандарты.

Самый известный – это Кембридж. «5 Steps Academy» – Cambridge International School, аккредитованная Кембриджским университетом, и имеет право проводить экзамен от имени Кембриджа.

Этой системе 800 лет, и, пожалуй, она самая уважаемая сейчас в мире. С сертификатами Advanced level, которые дает младший колледж, ты можешь поступить в любой вуз мира.

Вторая, довольно молодая система – это IB (International Baccalaureate).

К сожалению, у меня нет времени, чтобы в детали вникать, но я хочу сказать, что эта система для младших и средних классов, на мой взгляд, не очень высокого качества, даже очень низкого.

Но для старших классов на уровне джуниор колледж (младшего колледжа) это довольно эффективная программа.

Эта молодая европейская система в основном ориентирована на европейский уровень, хотя сейчас ее фактически во всем мире используют.

Следующий тип учебных программ – это национальные системы.

В каждой стране есть свой examination board – чаще всего государственный орган, который устанавливает и развивает образовательный стандарт, типа министерства образования, хотя в некоторых странах эта деятельность отделена от министерства.

Например, в США этим занимается College Board – некоммерческая организация, но все функции по разработке и приему экзаменов отданы ей.

Есть индийская, австралийская системы.

В Австралии вообще в каждом штате свой examination board, свои национальные программы.

И последняя программа, которую я хотел бы выделить, это стандарты US High School.

Это тоже национальная программа, американская, но US High School Diploma принимают в любой стране мира в любой университет.

Наша школа тоже аккредитована US College Board. Соответственно, ученики, закончившие наш 11–12-й класс, могут поступить в любой университет мира.

В 11-м классе они выбирают, будут ли они продолжать учиться по кембриджской программе или захотят переключиться на американские стандарты.

Интересно, что в 99% американских вузов принимаются кембриджские экзамены, а в Англии, Европе, по всему миру принимаются US High School Diploma, есть взаимозаменяемость, но Кембридж более сложный, и к нему отношение более уважительное.

3) Третий критерий, по которому разделяются программы и то, что на самом деле происходит в классах, это уровень свободы учителя.

В этом смысле Финляндия и Сингапур – хотя обе эти страны на высших строчках мировых образовательных рейтингов, как уже Гарегин Ашотович сказал совершенно справедливо, – они совершенно отличаются по степени свободы учителя и по многим другим параметрам.

В Финляндии стать учителем крайне сложно: конкурс 20 человек на место в педагогический вуз.

Зарплата учителя сравнима с зарплатой врача (очень высокая, не как в России).

Быть учителем там очень престижно.

Учатся они не 3,5–4 года, как в большинстве стран, а 5,5 лет.

**После этого им дается невероятная свобода.
Учитель буквально может делать что хочет в классе.**

В Сингапуре прямо противоположная ситуация.

Не то чтобы там зарплаты учителей низкие... Средние. Стать учителем довольно просто, но за тебя все решают – этакая китайская модель, где много общего и с российской, потому что есть масса всяких формуляров, которые учителя заполняют, там все расписано за тебя.

Как вы видите, несмотря на различия уровня свободы учителей, обе эти системы имеют право на жизнь и показывают высокий результат. Видимо, что-то еще влияет, я об этом скажу позже.

4) Следующий параметр – превалирующая схема организации классной работы.

Типично в большинстве классов мы можем видеть по всему миру такую схему организации работы: лекции, когда учитель стоит у доски, объясняет, класс может повторять за учителем, заучивать какие-то вещи.

Крайне неэффективная схема.

Это не мое мнение, это доказано в исследованиях, о которых мы поговорим позже.

Дальше – проектная схема.

Очень широко используется ИВ, но, к сожалению, слишком широко.

За ней прячутся, скрываются и очень трудно рассмотреть индивидуальные достижения каждого ученика.

Идея, в принципе, очень хорошая.

Есть междисциплинарная проблема, например, как нам победить голод в Африке?

К этому привязаны различные навыки и знания, которые ученик осваивает в процессе ответа на этот вопрос: исторические, географические и так далее.

В процессе ее реализации конкретно в International Baccalaureate, к сожалению, теряется индивидуальный мониторинг, индивидуальное развитие.

Мы не видим, насколько конкретный ученик освоил конкретные навыки и знания.

Зачастую мы там даже не видим учебников, трудно родителю понять, что будет тестироваться. Хотя, в принципе, идея хорошая. Там развиваются такие важные навыки, как совместная работа учеников, понимание глобальных проблем.

И третья модель – дифференцированное или персонифицированное обучение, то, что делаем мы в «5 Steps Academy», к чему очень внимательно присматривается сингапурское правительство, которое сделало некоторые поправки.

Например, выпускной школьный экзамен в Сингапуре нельзя сдавать раньше 16 лет ни в одной школе, даже в коммерческой.

Нам сделали исключение, у нас можно сдавать в 15 лет, потому что у нас некоторые ученики готовы уже в 12 лет.

А сейчас я хотел бы сказать о том, что происходит в каждом из небольших классов нашей школы.

Есть такое понятие, как дифференцированное обучение, – это сочетание групповой работы и индивидуальной работы с учеником.

Персонифицированное обучение – когда работа идет в большей степени один на один с учеником.

Например, как устроен наш математический класс: учитель объясняет каждому ученику, объясняет ему его ошибки один на один буквально.

Как гроссмейстер шахматный играет на разных досках.

Вы можете представить круглую комнату, в середине которой стоит учитель, а ученики сидят спиной к нему за индивидуальными столиками.

Он видит работу каждого ученика через плечо и объясняет индивидуально, подходя то к одному, то к другому в тот момент, когда коллеги этого ученика, другие ученики, выполняют свои задания, практикуются.

Трудно это описать, лучше увидеть.

Я попытаюсь кратко, чтобы вы хотя бы представили, как это происходит.

Каждый ученик имеет возможность развиваться в собственном темпе.

Вы знаете основной недостаток и проблему большого класса: она состоит в том, что даже выдающийся учитель большую часть времени проводит в работе со средними учениками, метит в центр, в середнячка.

Если в таком классе присутствуют ученики продвинутые, которые быстро соображают, с хорошей памятью, большую часть времени они тратят зря.

В то же время ученики, которые двигаются со скоростью меньше средней, которым нужно больше времени на освоение материала, слабые ученики, они просто ненавидят учителя, класс, школу, потому что каждый день – это доказательство того, что я очень тупой, потому что я ничего не понимаю из того, что говорит учитель, из-за большого количества пробелов, с которыми

учителю нет времени работать, когда у него в классе 30 человек.

В наших маленьких классах каждый ученик работает над своей проблемой по отдельности, за исключением языковых классов, где очень много групповой работы.

И за исключением Humanities – это история, география, литература, там тоже очень много групповой работы.

Но что касается математики и Science – физики, химии и биологии, там каждый ученик индивидуально выполняет свою работу, максимум в парах.

Это дает возможность дифференцировать обучение и темп каждому ученику.

Таким образом, у нас есть возможность организовывать экзамены индивидуально для каждого ученика.

Если ты способен освоить 5-й класс математики за 3 месяца, тебя никто не будет сдерживать, ты не будешь ждать, пока год учебный закончится.

Сдал экзамен по математике – перешел в 6-й класс по математике, хотя по английскому, допустим, или по Science можешь продолжать учить программу 5-го или даже 3-го класса.

Официально ты находишься в 3-м классе, по предмету, по которому у тебя самый низкий уровень.

Соответственно, ученик с прекрасными способностями может освоить 5 тем за день, на одном уроке закрыть, если учитель удостоверился, что ученик понял.

А ученик слабый?...

У нас нет слабых учеников, просто мы их называем словом *slow thinkers* – те, которым нужно больше времени.

Этот ученик может 2 недели одну тему проходить, пока ученик и учитель не удостоверятся, что он все понял.

Пойдем дальше.

Есть, конечно, пределы по времени: например, ученик не может быть в классе больше 15 месяцев, но это уже детали.

Основная идея, что сильные ученики не ждут, а слабые ученики не испытывают чувства горечи из-за того, что они не успевают, что им нужно искать какие-то другие способы выделиться, типа разбить окно или еще что-то в этом роде.

Теперь – самое интересное.

Многие учителя, международные образовательные организации, правительства задаются таким вопросом: что же работает наиболее эффективно?

Что финансировать?

На что, если рассматривать с точки зрения школы или государства, тратить деньги, во что вкладывать энергию?

Что принесет максимальный результат с наименьшими затратами ресурсов?

Смотрите, это не исчерпывающий список, но это то, что мы взяли при разработке нашей собственной системы за основу, за доказательную базу.

Когда я был врачом, в Московской медицинской академии происходила революция доказательной медицины.

Я помню, я купил такую книжечку, толстенькую книжку, и там, после того как диагноз поставлен, для каждого элемента международной классификации болезней было выделено несколько стратегий подхода:

- уровень А – это уровень доказательности высокий, двойное слепое плацебоконтролируемое исследование;
- уровень Б – там чуть ниже, примерно то же самое, но с огрехами;
- уровень Д где-то в конце – это экспертное мнение группы специалистов.

Я очень рад, что такая же революция сейчас происходит в области образования.

Есть масса метаисследований, очень интересных индивидуальных исследований, которые отвечают на этот вопрос, какие факторы работают. Вот наиболее авторитетные из них:

Джон Хэтти: «Visible Learning»,

Educational Endowment Foundation: «Инструментарий для преподавания и обучения»,

Роберт Марзано, Кери Дин: «Преподавание, которое работает»,

Международная академия образования: «Принципы обучения»,

Институт педагогических наук: «Организация преподавания для повышения уровня обучения студентов»,

Джефф Петти: «Обучение, основанное на экспериментальных данных – Практическое руководство».

Джон Хэтти, например, занимается этим уже 25 лет, и у него список из 900 факторов.

Мы взяли первые 30 по степени их влияния на качество и скорость обучения.

Наша система построена на основе результатов этих исследований. Мы взяли самое вкусное отсюда – проранжировали, проклассифицировали.

Я вам все эти факторы покажу.

Для начала я хотел бы показать вам Хэтти, поскольку это мэтр.

Еще на один слайд вперед. Нажмите здесь «Сила эффекта».

Так называемая сила эффекта, или effect size. 1.57, 1.33 – что это такое?

Допустим, мы рассматриваем распределение оценок учеников в классе.

Вот эта кривая. Здесь в среднем большинство учеников.

Это отстающие ученики, низкие оценки, а здесь – ученики, которые получили максимальные оценки по тесту.

Предположим, что ничего не изменилось в преподавании, но включили один из факторов – анализ когнитивных задач.

Что это такое? Это когда учитель показывает, как он думает.

Например, когда он решает задачу, он думает вслух и показывает, что происходит у него в голове, почему он выбирает какой-то шаг.

Например, мы сейчас будем выносить за скобку 2.

Почему я выношу 2?

Потому что я заметил, что в скобках есть 4 и 6, они оба делятся на 2, поэтому я решил вынести 2 за скобку – это максимальное число, которое можно вынести за скобки.

Я упрощаю, но примерно так.

Допустим, учитель это не использовал раньше и начал использовать.

Через некоторое время, когда этот фактор включили, оценки учеников вот сюда сдвинулись.

Вот эта D – это и есть сила эффекта.

Ширина кривой – это стандартное отклонение, где-то по серединке этой кривой ее ширина.

И вот в количестве этих стандартных отклонений мы меряем силу эффекта.

Допустим, если ширина этой кривой D , то сила эффекта будет 1.

Грубо говоря, если мы включили этот фактор в работу, его прежде не было и ничего больше не изменилось, то средняя оценка учеников в классе сдвинется на одно стандартное отклонение.

Это грандиозный эффект.

А вообще Хэтти рассматривает все эффекты, что больше, чем 0,4, как то, что достойно внимания.

Мы рассматриваем все выше, чем 0,7.

Источники, которые мы используем, – это крайне авторитетные исследования, хотя они критикуются, как и все прочие авторитетные исследования.

Мы учли эту критику, собрали другие, не менее авторитетные доказательные базы и сделали вот это – 5 Steps, интегрированные факторы влияния.

Здесь нет государственного уровня, мы о нем в конце поговорим.

Первый уровень – это *уровень школы*.

Еще раз хочу подчеркнуть: здесь ничего не высосано из пальца, мы ничего особо не придумали. У нас есть только своя специфика организации, применения.

Например, маленькие классы; у каждого ученика своя персональная дата экзаменов; то, как мы учим; способ проведения профессионального обучения учителей.

Но сами факторы – неизменно доказанные, высокоэффективные, с высокой доказательной достоверностью.

Хочу обратить ваше внимание на программы Пиаже, был такой психолог 100 лет назад, который в основном интересовался развитием ребенка до 7 лет.

После него пришел Эриксон

Вы видите, кстати, здесь 1.28, просто огромный, огромный показатель.

Эриксон продвинул такую простую идею, что в разные периоды времени нужно учить разным вещам.

То есть психика ребенка – это как окно или как дверь, в которую ты можешь войти и положить что-то, после этого она захлопнется, и положить туда что-то будет очень трудно.

Пример – иностранные языки. Всем известно: если ребенок до 3–5 лет не говорит на иностранном языке, он никогда не будет для него родным.

И обратно, есть масса примеров, когда у детей, у которых бабушки, дедушки, троюродные дяди, все живущие по соседству, в одной большой семье, говорят с ребенком на разных языках, он совершенно спокойно может освоить до 10 языков без всякого труда, очень быстро.

Эриксон, развивая эту идею, указал на сенситивные периоды в развитии каждого человека вплоть до его смерти и на задачи, которые ему нужно решить в процессе его жизни.

Нерешенные задачи приводят к проблемам с развитием, к депрессиям и так далее, это отдельная тема.

Мы в части обучения применили эту периодизацию.

В частности, например, мы делаем акцент на математику с 7 до 11 лет.

Большинство учеников начинают с 5 лет в нашей школе: 5 лет – 1-й класс, минимальный возраст.

Есть дети, которые в 7 лет приходят. Есть дети, которые приезжают из России; из Украины сейчас много едут.

Дети, которые с нами в 5 лет начали, они в 11 лет уже знают всю школьную математику, это создает основу для глубокого изучения Humanities, в частности, истории и литературы, которые, по моему личному мнению, являются вообще главными предметами в старшей школе, определяющими ценностный уровень, способность думать широко.

Поэтому если школа использует вот эти акценты, связанные с этой периодизацией, с сенситивными периодами, то уровень образования и качество обучения в этой школе значимо выше.

Вот что значит этот фактор – программы Пиаже, и его высокая эффективность доказана исследованиями.

Дальше такие вещи очевидные, как совместное непрерывное профессиональное развитие, имеется в виду совместное, чтобы учителя общались друг с другом.

Это была моя ошибка, кстати, вначале, когда мы только начинали школу: мы слишком сильно индивидуализировались.

Сейчас у нас внедрена многоуровневая система профессионального развития, включая комплексные учебные программы и микрообучение.

Микрообучение, мы тоже его у Хэтти можем увидеть, видите, на 13-м месте, 0,88, довольно высокий размер эффекта.

Что это вообще такое?

Записываются уроки, у нас в каждом классе стоит камера, потом учителя собираются и разбирают какой-то

кусочек урока: что было хорошо, что работало, а что плохо, что можно изменить.

Исследования показывают, что это крайне эффективно. Иногда такое видео – просто шок для учителя, естественно, в хорошем смысле: если это все в доброжелательной форме происходит, это крайне эффективная мера для обучения новых учителей.

Есть еще другие факторы, но они в меньшей степени влияют на класс, чем эти два.

Уровень учителя.

Здесь есть три группы факторов.

Первая группа – личность учителя. Наиболее влиятельные факторы этой группы: целостность личности, навыки самоорганизации, ясность речи и объяснения, способность вдохновлять.

Целостность – верят тебе ученики вообще или нет, верят в то, что ты говоришь, ясная ли у тебя речь? Ясно ли ты объясняешь?

Это тоже можно развивать, но трудно.

У нас есть, например, прекрасный учитель, он живет в Сингапуре, но он китаец, у него сильный акцент. Он прекрасно объясняет, но – акцент.

Ясность именно фонетическая тоже имеет значение, это очевидно.

Далее – способность вдохновлять.

Если у учителя депрессия или он зол на жизнь, естественно, ему будет трудно вдохновлять учеников на свершения.

Далее мы увидим, что вера ученика в то, что он способен достичь цели, что у него все получится, является одним из главных факторов его успеха. На английском это – self-reported grate.

Верит ли учитель, что я как ученик способен на большее? Способен ли он внушить мне эту веру? Так что

способность вдохновлять и self-reported grate – два мощных взаимозависимых фактора. Жаль, что на практике их часто недооценивают, не измеряют и не ставят в один ряд с другими КРІ учителя.

Мы переходим к последним двум слайдам, самым интересным.

Вторая группа факторов на уровне учителя – факторы организованности преподавателя.

Здесь 3 фактора, доказано, самые эффективные:

1. Планирование дифференцированного обучения, включая интервальное повторение.
2. Домашняя работа в зоне ближайшего развития и взаимодействие с родителями.
3. Оценка и размышления.

Планирование дифференцированного обучения – то есть подготовка урока, где я как учитель работаю и с классом в целом, и с каждым учеником в отдельности, включая интервальное повторение пройденного материала.

Мы все знаем это из примера обучения языкам.

Например, если ты выучил новое слово, повтори его через 10 минут, потом завтра, потом через 3 дня, через 7, через 21.

Вот эти интервалы для каждого ученика и для каждого типа информации индивидуальны.

Это кропотливая работа, но мы ее делаем для достижения максимального эффекта по каждому предмету в отдельности.

Далее, это домашняя работа в зоне ближайшего развития.

Я не могу на этом не остановиться, потому что это ключевое понятие в развитии ученика.

Придумано Выготским Львом Семеновичем 100 лет назад, нашим российским, советским психологом.

Суть очень простая: есть некая зона сложности для каждого ученика в каждом предмете в данный момент времени, ниже которой не имеет смысла опускаться, это будет просто трата времени, слишком легко, а выше которой – ученик будет расстроен из-за того, что слишком трудно.

В этой зоне с помощью учителя ученик может освоить навык в течение урока и почувствовать себя героем.

Вот это ощущение того, что я расту, что я не какой-то глупый, что я ничего понял, – крайне важно.

И пусть я даже медленно двигаюсь, но у меня получилось. И вчера получилось, и завтра получится.

Если каждый урок у ребенка возникает такое ощущение, это является залогом его здоровой самооценки, которая лежит в основе высокой мотивации, что главное при нынешнем многообразии информации и методов получения знаний.

Мотивация, конечно, приобретает все большее значение.

И взаимодействие с родителями.

Скажем, учитель в нашей школе раз в 3 месяца пишет письмо родителю.

Мы очень открыты, родитель может прийти и поговорить с учителем в любой день.

Родитель, в общем, бесплатный ассистент учителя в работе с учеником, хорошо его знает.

Практически все родители стремятся получить какое-то руководство от учителя.

В большинстве случаев в других школах они его не получают, к сожалению, по нашим наблюдениям.

И последний весомый фактор в этой группе – оценка и размышление.

Это профессиональная работа, не просто мечтания.

Профессиональное размышление о том, что я делаю, что можно улучшить.

У каждого учителя в нашей школе есть reflection journal, он открыт для остальных учителей, учитель там пишет свои инновационные идеи, другие учителя их могут «украсть» или прокомментировать, что поощряется и даже является обязательным.

Evaluation здесь – это то, как я оцениваю то, что происходит в классе, сработал или не сработал этот метод, который я придумал. Грубо говоря, это совместно с коллегами экспериментирование. Крайне важно.

И самое вкусное – *третья группа* факторов на уровне учителя.

Вот эти 9 самых мощных факторов уровня непосредственного преподавания, того, что происходит непосредственно в классе.

Смотрите, 1-й этап.

Вызов ученику – не совсем сложные задания, цели, которых я могу достичь в течение урока с помощью учителя.

И очень важно знать критерии, по которым меня будут оценивать.

Например, учитель может сказать, давайте сравним сочинения: вот это хорошее сочинение, а вот это на «4» сочинение, а вот это на «3», а вот это на «2», и вот почему.

Исследования показывают крайне высокий размер эффекта для этого фактора влияния.

И в конце – обобщение, summarization, подведение итогов: вот что мы собирались сделать, и вот что мы сделали.

И в середине – преподавание на основе имеющихся знаний.

Новое знание не должно висеть в воздухе, а должно каким-то образом сочетаться с тем, что я уже знаю, особенно с тем, что я могу применить в реальной жизни.

Тогда обучение становится непрерывным и естественным приращением в системе моих знаний как ученика.

Понятное объяснение узких тем с демонстрацией решения задачи, с решением вслух, я об этом уже говорил, это когда учитель думает вслух.

Активные методы обучения – это фактически то, что дополняет лекцию или даже ее заменяет.

У нас в школе мы очень коротко говорим основную идею, дальше – много экспериментов.

Когда я обрабатываю знания в своей голове, я их запоминаю лучше, – простая идея.

Обсуждение с большим количеством вопросов и примеров – это все активное обучение.

И графический визуальный метод, он тоже показывает высокую эффективность в разных исследованиях. Визуальность в сочетании с мнемоникой.

Дальше 6, 7, 8, 9-й пункты – это скорее подходы к тому, что происходит в классе, они очень важны.

Первое – важно увидеть как можно раньше, что ученик отстает или он что-то не понял.

Мы его должны переучить, вмешаться, помочь в решениях.

Обратная связь в обоих направлениях: мы задаем вопросы или тестируем, ученики нам дают информацию о том, чего мы не знаем. Мы им возвращаем эту информацию с тем, как и что можно делать.

На эту тему можно и нужно долго говорить. К сожалению, у нас нет времени, но это очень важно.

Обучение навыкам мышления высокого порядка.
Пример: $2 \text{ минус } 3$, мы можем это вычислить, а можем просто спросить ученика, это правильно или нет.

Когда у него включается уровень оценки или уровень сравнения, это уже включается мышление высокого порядка.

Показано в многочисленных исследованиях, что такой подход подачи материала приводит к гораздо лучшему запоминанию или усвоению.

Сходство и различие, группировка, ранжирование.

Например, у вас карточки с названиями стран и большая коробка с названием «Африка». На карточках есть страны африканские, а есть не африканские.

Когда ученики перекладывают карточки в коробку, у них развивается то, что называется сопоставлением.

Или, например, есть уравнение на одной карточке, на других карточках нарисовано то же самое уравнение, но в алгебраически преобразованном виде: некоторые правильные, некоторые нет. Нужно отыскать правильные и отбраковать неправильные.

Причины и следствие.

Это наш любимый вопрос в нашей школе. Мы задаем глубокие вопросы: «Почему?» – как в Science, так и в Humanities.

Почему происходит итерация?

Не просто факты, а что вообще происходит, почему Гитлер пришел к власти?

Почему были Версальские соглашения именно такие, какие они были?

Перенос навыков.

Например, причины, по которым распалась Римская империя.

Есть что-то общее, например, с распадом династии Бурбонов во Франции, с Французской революцией? Или с тем, что происходило с СССР?

Далее, наиболее эффективные специальные методы обучения. У нас нет времени на них подробно остановиться.

Я скажу только – повторное чтение.

Повторное чтение – это техника, при которой ученик читает один и тот же маленький кусочек текста до тех пор, пока не сделает это на «отлично».

Оценивается по двум параметрам: количество ошибок и скорость его чтения.

Читаем, пока он не добивается мастерства по каждому параметру.

В многочисленных исследованиях показано, что этот метод приводит к самому быстрому прогрессу скорости и точности чтения.

Обучение студентов стратегиям обучения: как повторять материал, как вести конспекты и прочее.

Вот то, что мы применяем. Здесь многие вещи кажутся очевидными, но вы не поверите, насколько мало они применяются на практике в современных классах.

Теперь давайте поговорим об *уровне государства*.

Что будет, если мы поднимем зарплату учителя на 2 000 долларов в месяц или хотя бы удвоим зарплату учителям, сделаем эту профессию престижной?

5 лет назад директор московской школы получал 60 000 рублей, поправьте меня, если я не прав, что-то похожее; сейчас, наверное, больше.

У меня жена училась в Щукинском училище, это не школа, но там учитель по театральному мастерству получает 15 000 рублей.

Если мы кардинально повысим зарплату учителя, создадим поток хороших кандидатов в педагогические вузы, то, может быть, это решит проблемы.

Говорят, что нет денег на это. Некоторые примеры.

Бюджет российского образования на 2023 год – 20 миллиардов долларов.

Я взял для оценки: в России 40 000 школ, примерно 30 учителей на 1 школу, московскую, в одной московской школе примерно 850 учеников, в среднем. Естественно, в регионах меньше, так что рассчитаем с запасом.

Если мы перемножим, получается, 120 000 учителей в России. Небольшие арифметические действия показывают, что такая прибавка будет стоить примерно 10 миллиардов долларов, или 2% бюджета России.

Это не так уж много для национальной идеи.

У меня есть вопрос: в чем цель, какие учителя нам нужны, кто придет на эту большую зарплату?

Я хочу вернуться к различию России, Финляндии и Сингапура.

В Сингапуре палочная система. Результаты, которые вы видите в этих рейтингах, обусловлены тем, что больше половины учеников идут к репетиторам после уроков; учить индивидуально и эффективно в классе, в котором 44 человека, невозможно.

Конечно, сингапурское правительство сделало все, и ресурс у него есть, чтобы использовать все факторы эффективности. Они очень внимательны к тому, что происходит в мире, в частности, к этим факторам обучения, о которых мы поговорили; множество из того, что можно сделать в больших классах, внедрено.

Но если ты не сделал домашнее задание, ты будешь стоять в углу, второй раз не сделал домашнее задание – твоих родителей пригласят в школу.

В сингапурских школах до сих пор бьют по попе палкой: конечно, не за то, что не сделал домашнее задание, за более серьезные правонарушения, но в целом система построена на страхе.

Она работает в том смысле, что ученики боятся.

Есть такой PSLE – Primary School Leaving Exam: после 6-го класса всех учеников перераспределяют по школам, то есть отсекают слабых от сильных. И они все ужасно боятся этого экзамена в 6-м классе.

Если наш ученик может до 10-го класса расслабиться, то им не дают расслабиться, они в 5-м классе начинают очень серьезно учиться, потому что все боятся получить низкую оценку.

В Финляндии, наоборот, маленькие школы, высококлассный учитель с почти 6-летней подготовкой, прошедший серьезный конкурс, работающий с учеником, выявляющий слабости на ранних этапах и работающий индивидуально с каждым учеником и с родителями.

Как и Сингапур, Россия идет, как я вижу, по этому же направлению. Они не особо поддерживают либеральные ценности; такие предметы, как география, история и литература, являются необязательными.

Есть история Сингапура, которой 50 лет; ученики Сингапура 10-го класса даже не знают, кто такой Гитлер, вы не поверите, не то что там Толстой или Томас Манн, даже Шекспир.

Про Шекспира они слышали, но поскольку литература факультативна, сами понимаете.

То есть это общество физиков и математиков.

Мне нужен человек, который починит железную дорогу или сконструирует какой-то дрон, а человек,

который будет рассуждать на темы человеческих ценностей, мне не интересен – так мне представляется позиция сингапурского государства по этому вопросу.

Кто будут эти учителя, если мы поднимем зарплату?

Мне лично очень близка система, поддерживающая и развивающая человеческие ценности, Толстой, Достоевский, способность открыто рассуждать на тему, в каком государстве мы живем.

Но мы вполне можем получить классных специалистов в области физики и математики, как это было в 60, 70, 80-х годах в СССР, использовать систему Физтеха.

Может быть, с этого, по крайней мере, начать?

Я уже практически закончил. Хочу только сказать, что я не претендую на то, что то, что я сейчас рассказал, можно применить в каждом классе.

Еще раз повторяю: у нас есть специфика, система заточена под маленькие классы.

В большом классе в принципе нельзя сделать многое из того, что мы делаем, даже если вы выдающийся учитель.

Но кое-что можно сделать.

Повторяю: мы ничего здесь не выдумали, мы просто опирались на доказательную базу исследований, которые находятся в открытом доступе.

Вы наверняка можете указать другие источники, может быть, не менее авторитетные, но вот мы на эти шесть опирались, которые я показал.

Если есть вопросы, я готов на них ответить.

Тосунян Г.А.: Да, вопросы наверняка есть, более того, в чате уже полемика развернулась.

Посмотрите, там по поводу оплаты труда и по поводу того, как Москва от регионов отличается.

Кузнецов А.В.: Очень сильно.

Кузнецов А.В.: Гарегин Ашотович, я потом тогда пробежусь быстренько по вопросам в чате?

Тосунян Г.А.: Сергей Вячеславович поднял руку.

Сергей Вячеславович, Вам слово, а потом, если Вы, Жан Терентьевич, руку поднимали, то и Вам тоже.

проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Вопрос простой.

Я полностью разделяю Вашу позицию, преклоняюсь перед той огромной работой, которую Вы проделали.

Но ведь Вы проделали всю эту работу в рамках концепции образования Яна Амоса Коменского.

300 лет назад стояла проблема научить безграмотную Европу грамотности, и Ян Амос Коменский придумал алгоритмический способ обучения: делай, как я, и все будет нормально.

Тогда возникает вопрос.

В нынешних условиях, Вы сказали, литература в Сингапуре практически, скажем так, сведена к факультативу.

Но ведь только литература учит принять решение в неопределенной ситуации.

Современный мир предполагает, что все больше и больше человек вынужден принимать решение в неопределенной ситуации с недостатком информации, и никакие алгоритмы и формулы здесь не могут научить.

Каким образом решается эта проблема?

Инженер, который знает таблицу умножения, но не может принять какое-то неожиданное решение, это, извините меня, не очень хороший инженер даже в рамках Физтеха, если он его окончил.

Всё, спасибо.

Кузнецов А.В.: Спасибо, очень хороший вопрос.

Я подчеркиваю, что то, что я говорил про public school, государственные школы в Сингапуре, это беда.

В нашей школе, как и в других коммерческих школах в Сингапуре, высоко ценятся литература и история.

Я подчеркиваю, что это два главнейших предмета.

То, что вы сказали, способность принять решение в условиях неопределенности, имеет ключевое значение.

У нас есть три ценности. У нас нет времени, скажу об одной.

Самое главное – это смелость. У нас никто никогда не ругает за ошибки; мы просим учеников даже сделать ошибки, показываем, что ошибки – это наибольший способ обучения: когда учитель тебя учит на базе твоих собственных ошибок, это твое личное знание.

Эти шаги за границу – out-of-the-box, за границу известного – могут делать только смелые люди.

Вот этому мы стараемся учить наших учеников.

В Сингапуре прямо противоположная ситуация: если ты решишь задачу правильно, но неправильным методом, тебе поставят «ноль».

Поэтому в Сингапуре уровень суицида довольно высок, среди учеников в том числе, потому что они видят проблему, знают, что эта проблема решается только каким-то одним правильным способом, которого они не видят, я имею в виду в жизни. А то, что Вы говорите, абсолютно верно, это является важным фактором в нашей школе.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Член-корреспондент Академии наук, руководитель социологического центра, Черныш Михаил Федорович, Вам слово.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, очень интересно, спасибо большое за доклад.

У меня такой вопрос.

Мне кажется, что во многих странах, включая нашу, все-таки происходит дифференциация образования по уровню обучения учеников.

Главный вопрос, который у тех людей, которые управляют образованием: а зачем нам такое количество хорошо образованных людей?

Дело в том, что еще в 60-е годы Нейл Смелзер и другие провели международные исследования различных режимов социальной мобильности и пришли к выводу, что образование в Африке, к примеру, развивавшееся бурными темпами после получения этими странами независимости, привело к существенным для них осложнениям: некуда было девать квалифицированные кадры, в результате пришлось увеличивать количество бюрократов, потому что некуда было девать образованных людей.

В настоящее время во многих странах массовое образование демократизируется с понижением, но при этом сохраняется элитный сегмент.

Как вы думаете, на что нужно обращать в первую очередь внимание – на качество элитного или демократического образования, которое, как мы видим, в большинстве российских школ деградирует?

Кузнецов А.В.: Спасибо за вопрос.

Я считаю, что каждый ребенок должен иметь право на качественное образование.

Если мы будем ставку делать только на элитное, то дети, у которых нет возможности попасть в эту элитную прослойку, будут страдать; дети ни в чем не виноваты в этом отношении.

Насчет Африки.

Интересный пример, но здесь с экономической точки зрения можно увидеть такую простую вещь, что там просто отсутствовала инфраструктура для развития свободной экономики, туда просто не идет капитал, поэтому труд не нужен квалифицированный.

В экономически развитом обществе общий уровень жизни выше; у гораздо большего числа людей, которые умеют думать, есть возможность начать собственное дело.

Средний класс, для них это невозможно.

Мне кажется, что в этом была проблема, о которой Вы справедливо сказали.

Я бы сказал так, что нужно всячески понижать пороги для получения элитного образования для любого человека, для любого ребенка.

Вопрос в том, что это за элитное образование такое?

С точки зрения сингапурского правительства, это физика и математика; с точки зрения нашей школы – мы тоже физматшкола, но при этом у нас на очень высоком уровне поставлена либеральная идея.

Нужна ли эта либеральная идея в России, я не уверен.

Нужны ли российскому государству сейчас, я имею в виду не обществу, а государству, власти, нужно ли такое

количество людей, которые будут задавать вопросы, например, правильно ли у нас устроено общество?

Сингапурской власти они точно не нужны, поэтому разными способами сингапурская власть выдавливает это направление, этот вектор в образовании.

Им нужен профессионал, который может сделать, починить что-то, сделать прибор или разработать какой-то метод по борьбе с раком, – вот этот человек им понятен.

А человек, который будет рассуждать, вообще демократическое ли общество в Сингапуре, какой-то историк глубокий, который сравнивает политическую систему Сингапура с другими странами или Россию с другими странами, может быть, он им не нужен сейчас.

Я бы вот этот вопрос поставил: что такое, какие ценности мы собираемся развивать в учениках?

Например, я очень хорошо к физике и математике отношусь, я сам такой: я раньше считал, что это самое главное, математика – это королева и так далее.

Но как совершенно справедливо Сергей Калашников сказал, что человек, зажатый в алгоритмической схеме, неспособен принимать нетривиальные решения.

Это, кстати, ограничивает и предпринимательство, поэтому в Сингапуре из 5,5 миллионов человек 1,5 миллиона экспатов, экономика держится на этих предпринимателях, а сингапурцы у них работают.

Большая тема.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кстати, Сергей Калашников был министром труда в Правительстве России, потом долгие годы депутатом. Я его не представил.

Теперь слово члену-корреспонденту Российской академии наук, выдающемуся социологу.

Вам слово, Жан Терентьевич.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Тощенко Ж.Т.: В Вашем сообщении в основном преобладал анализ опыта зарубежных психологов, педагогов и практики, которая тоже в основном за рубежом.

Я хотел бы услышать, как Вы считаете, есть ли сейчас в педагогике, психологии труды, работы ваших коллег, отечественных ученых, которые представляют интерес для поднятой темы?

А есть ли реальный российский опыт поисков интересных находок и воплощение тех идей, за которые Вы ратуете, то есть практический поиск?

Можете Вы привести какие-то школы, какой-то опыт, который представляет значительный интерес для анализа данной проблемы?

Кузнецов А.В.: Спасибо за Ваш вопрос.

В части применения, здесь как с нобелевскими лауреатами: Нобелевский комитет ждет долго, смотрит, оказала ли эта работа существенное влияние на разные сферы научного знания.

Так и здесь, если такие мэтры, среди них Лев Выготский, который известен просто во всем мире.

Во всем мире знают двух человек, советских психологов – это Выготский и Лурия.

Тощенко Ж.Т.: Нет, не в прошлом психологов, а в настоящее время.

Кузнецов А.В.: Видите, как с этими Нобелевскими комитетами, их, может быть, не знают, потому что ждут.

Мне, к сожалению, незнакомы современные российские работы в этой области, я привожу только те исследования, которые являются наиболее авторитетными, с наивысшими индексами цитирования в мире, независимо от страны.

Насчет практики применения методов. Сейчас происходит просто революция в образовании в сторону индивидуализации.

Здесь вопрос задали по поводу компьютера, что обучение школьника происходит на компьютере, не с книжкой и с тетрадкой.

Действительно, в нашей школе у каждого ученика есть iPad, но он все решения делает в тетрадке, в iPad заносит только ответы, потому что там система artificial intelligence: искусственный интеллект помогает учителю принимать решения, анализируя ответы ученика.

Самое главное, что делает эта система, – выявляет пробелы.

Почему мы учим быстрее?

Один из факторов – мы не тратим время на то, что ученик уже знает, индивидуально.

Второе, мы не тратим время на объяснение того, что ученик еще не готов понять.

Система помогает выбрать те навыки, в которых ученик слаб, которые находятся в его зоне ближайшего развития и посильны ему.

Я пытаюсь одновременно отвечать на вопросы, которые в чате.

Поэтому, например, то, что я могу сейчас видеть, что в сингапурских школах происходит, у нас с коллегами достаточно плотная связь, это просто взрыв

информационной среды: это интерактивные экраны и системы поддержки учителя, это роботы.

Я вам скажу так: у нас есть план развития школы на 10 лет.

Через 4 года у нас появятся роботы-помощники учителя.

Тосунян Г.А.: Это вместо родителей?

Кузнецов А.В.: Родители, конечно, останутся, без них мы никак не справимся.

Учитель должен быть в классе, иначе ученики просто раскурочат работа.

Но робот может выполнять некоторые задачи эффективнее и быстрее.

Просто колоссальная экономия затрат времени на проверку.

Что делает учитель сейчас в школе?

Он что-то рассказывает, поручает работу ученикам и сидит вечером у себя дома, проверяет, оценки ставит.

Потом у него даже нет возможности индивидуально каждому ученику рассказать о его слабостях – большой класс, это проблема и трагедия традиционной системы.

Сингапурское правительство это понимает. Они пришли к нам в школу и говорят, что они не могут сделать то, что мы делаем, потому что им нужно будет в 5 раз больше учителей, а в Сингапуре это просто невозможно – в 5 раз больше.

Сейчас 40 человек в классе, а если сделать 8, нужно в 5 раз больше учителей.

Проблема решается роботами. Это такой Android, который ходит по классу и помогает, распознает речь

ученика, помогает ему найти точки роста, зону ближайшего развития, доступную ученику на данном этапе.

Она не выше того, что ученик может понять, и не ниже; это как раз то, что нужно учителю.

К сожалению, то, что сейчас ученики учат в классе, это иногда совсем не то, что нужно многим из них.

Если у меня есть какие-то пробелы, мне их просто никто не закрывает, и я не пойму, почему я не понимаю то, что учитель сейчас объясняет.

И всё, это снежный ком, это потерянный человек, мы его можем потерять навсегда, а он мог бы быть хорошим учеником и не потерять веру в себя, ученым, предпринимателем и прочее.

Это вопрос конкретный, это визуальная компьютерная поддержка учителей, что я вижу сейчас, № 1.

акад. ТОСУНЯН Г.А. – к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.

Тосунян Г.А.: Александр Владимирович, скажите, пожалуйста, у Вас только живое обучение или дистанционное тоже имеет место быть?

Кузнецов А.В.: Когда мы закрывались на ковид, наша школа, мы либо все переходили на дистанционное обучение (в России это тоже было), либо все занимаемся очно.

У нас есть экспериментальная школа, мы учим нескольких детей дистанционно, но это не мейнстрим пока, потому что тяжело учителю одновременно и в экране и физически учить.

У нас учитель учит конкретный класс, еще тут стоит компьютер, ученики где-то там.

Технически это пока тяжело, но мы думаем над этим и развиваем это направление потихонечку.

Тосунян Г.А.: Я очень практичный вопрос задаю.

Допустим, я решил своего ребенка предложить в качестве ученика школы.

Это возможно, когда мы в разных странах находимся?

Кузнецов А.В.: Возможно.

Тосунян Г.А.: Понятно.

Еще такой вопрос по поводу родителей.

Хотя и пошутил, но не совсем пошутил.

Вы уверены, что родитель как ассистент всегда положительную роль играет?

Кузнецов А.В.: Хороший вопрос.

Дело в том, что главная проблема с родителями, что они не подготовлены в смысле терпения.

Учитель подготовлен: хороший учитель знает, что на ученика нельзя орать, это главная проблема, потому что родитель может полностью отбить желание учиться у ребенка.

Мы индивидуально с родителями работаем, у нас есть родительский комитет, мы всячески пытаемся учить родителей, как помогать своим детям.

Мы им показываем, что они должны делать, чего они делать не должны, потому что у них нет специальных профессиональных знаний, могут только напортачить.

Очень хороший вопрос.

Тосунян Г.А.: Коллеги, еще вопросы или комментарии. Нет пока вопросов.

Кузнецов А.В.: Тогда я пройдуся по вопросам в чате.

Тосунян Г.А.: После того как коллеги выступят, у нас все равно будет общее обсуждение. Это не означает, что мы завершаем и больше к этому вопросу не возвращаемся.

КУЗНЕЦОВ А.В.

К. Э. Н.

У меня тоже есть вопрос, мне было бы очень интересно его обсудить.

Дело в том, что в жизни каждого из нас есть какие-то впечатления, которые руководят нашим развитием, такие теплые, базовые впечатления, которые оказали большое влияние на вас в профессиональном или даже в личностном смысле.

Что Ваш учитель в школе или, может быть, в институте сделал что-то особенное для Вас?

У каждого из нас есть такие учителя, которые сильно повлияли на нас.

Например, у меня это был учитель математики в старших классах, он буквально сформировал меня в значительной степени.

Я сейчас знаю, что он делал правильно, что он делал неправильно.

Что он делал правильно – я знаю, могу рассказать.

Мне было бы очень интересно у присутствующих коллег узнать о таких впечатлениях в их жизни, потому что здесь не простое общество собралось, все здесь успешные люди, которые достигли больших высот в жизни, в образовании.

Мне было бы очень интересно узнать об этих толчках. Пожалуйста, подумайте, было бы очень интересно.

ЛОГИНОВ И.Э.

заместитель руководителя департамента по работе
с государственными органами АРБ

Логинов И.Э. Если ребенок в 11 лет будет знать всю математику средней школы, то к 16 годам во время экзамена он забудет ее всю.

Кузнецов А.В. Хороший вопрос.

Могу переформулировать: что он будет делать после 11 лет?

Физика использует математику, это не означает, что мы учим математику только до 11 лет.

Есть дети, которые заканчивали раньше, их меньшинство, конечно, и я хотел показать вам, что у нас есть возможность не ограничивать ребенка по скорости.

Если он способен проглотить столько, он это проглотит, и мы его поддержим.

Я вам даже скажу так: если вы не будете «кормить» достаточно, он просто разочаруется, будет скучать.

Мозг таких детей способен обрабатывать гораздо большее количество информации, более того, он не будет развиваться, если его не нагружать, – не перегружать, а нагружать в достаточной степени.

Потом эти знания он может использовать в A-level, это тот самый 11–12-й класс, я имею в виду школьную математику до 10-го класса, потому что A-level – это уровень института 1-го курса, но все еще школьный, он довольно сложный, ребенок может его потихонечку учить.

У него есть время для этого, много времени высвобождается для занятия тем, что ему интересно.

Мы показываем, пытаемся детям донести простую мысль: школа – это обязательное образование, ты не

можешь ее избежать, но ты ее можешь быстро закончить и заниматься тем, чем хочешь.

Давай мы быстренько ее закончим, приобретем всё, что нужно, все эти знания.

С 11–12 лет мы можем уже специализироваться, у нас будет для этого время, которого нет сейчас у старшеклассников в других школах, потому что они судорожно готовятся к ЕГЭ в 11-м классе.

проф. БУЛАНОВА М.Б. – к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.

БУЛАНОВА М.Б.

д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета

Буланова М.Б. Как изменились формы работы в школе в период пандемии?

Кузнецов А.В. О, это было очень интересное испытание для нас. Вы знаете, самый быстрый с коммерческой точки зрения рост у нас был во время пандемии. Знаете почему?

Потому что большинство школ записывали уроки и показывали это видео ученикам, которые его не смотрели, потому что нужен родительский контроль, чтобы родитель рядом сидел и смотрел, смотрит ли видео ученик.

Даже если он смотрит, это не интерактивно, не активное обучение, он просто посмотрел видео. Пока ты не работаешь с этим материалом, не задаешь вопросы, какие-то тесты, обсуждение, то оно просто забывается очень быстро.

Но главная проблема – просто мало кто смотрел.

У нас в классе 8 человек. Вы можете представить: 8 человек на экране, и учитель общается с каждым из них, как мы сейчас.

Нас здесь 40 человек, а представьте 8, это просто интерактивное общение, где все участвуют.

Когда у нас уже разрешили возобновить очное обучение, у нас родители проголосовали за то, что они хотят еще 1 месяц быть в онлайн-режиме, потому что не нужно никуда вести ребенка, ему одеваться, куда-то ехать.

Буланова М.Б. Как учитывается и каким образом обеспечивается в школе психологическое благополучие учащегося?

Кузнецов А.В. У нас есть специальный человек в школе, называется student welfare officer, в задачи которого входит выяснение, хорошо ли себя чувствует ученик, почему нехорошо, что происходит.

Это крайне важная составляющая, очень хороший вопрос, потому что если человеку хочется идти в школу, ему нравится учиться – мы сделали свою работу, он научится; если ему не нравится идти в школу, у него нет мотивации учиться, он считает, что его учитель не его друг, то он психологически просто закроется, не будет ничего слушать, будет пытаться избежать работы.

Это обеспечивается указанным специалистом, который у нас только этим специально занимается, а также и каждым учителем. Для этого мы проводим профессиональное обучение учителей, где я, как психолог, тоже учу учителей учить учеников разного типа.

У нас есть классификация по психологическим типам учеников, потому что каждый ученик уникален.

Есть дети робкие, которые никогда вопросов не зададут; если не учить их определенным образом, они просто будут отставать.

Есть ученики, которые прерывают, отвлекают других, есть те, которым нужно руками попробовать, есть те, которым нужно вслух объяснить, визуалы и так далее.

Есть разные классификаторы, мы всему этому учим учителей.

ШНЕЙДЕР М.Я. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

ШНЕЙДЕР М.Я.

директор ГБОУ г. Москвы «Школа № 45 имени Л.И. Мильграма»

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН

Шнейдер М.Я. Здесь звучал вопрос о зарплате учителя.

Зарплата в Москве резко повысилась: у директора школы – от 150 000 рублей, средняя зарплата учителя – 120 000 рублей в месяц.

Епихина Ю.Б. В российских регионах уровень зарплаты совсем другой.

Шнейдер М.Я. Да, в регионах всё намного хуже, поэтому учителя стремятся в Москву.

Тосунян Г.А.: Хорошо, вы просматривайте вопросы, потом еще, может быть, на них ответите, чтобы мы дали возможность другим коллегам выступить.

Никто не настаивает на комментарии или вопросе?

У нас еще будет возможность обратиться с вопросами к Александру Владимировичу. Александр Владимирович потом ответит на них.

Сергей Витальевич поднял руку, давайте дадим возможность, руководитель «Фора-банка».

БАЛАКИН С.В. – к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.

БАЛАКИН С.В.

председатель правления АКБ «Фора-банк»

Балакин С.В.: Спасибо за интересную информацию. Вопрос следующий: откуда и где готовите учителей для того, чтобы преподавать по тем методам и способам, о которых Вы рассказали про Вашу школу?

Кузнецов А.В.: Если я правильно понял, как мы готовим учителей, чтобы преподавать по этим методам?

У меня есть мечта.

Сингапур – это такой большой хаб, в котором обычный человек заключает трудовой контракт на 2 года, потом уезжает в какую-то другую страну со своими детьми из нашей школы.

Он приезжает в Мумбаи, в Финляндию, в Европу, в США и говорит, что не может найти в своем городе такой же школы.

Мы считаем, что это очень перспективная модель, мы бы хотели, чтобы наш ученик, ребенок продолжал учиться в нашей школе.

И вот когда мы будем создавать школы в разных странах по всему миру, когда у нас будет такая сеть, чтобы решить эту проблему родителей, то в Сингапуре я открою институт повышения квалификации учителей. Я стану заниматься только обучением учителей.

Сейчас я пока занимаюсь этим в рамках нашей школы сам. Происходит это так.

У нас есть разные уровни обучения. Есть курс, который каждый учитель должен пройти.

Поскольку мы Cambridge International School, у нас есть обязательная сертификация со стороны Кембриджского университета, там есть специальный курс,

разработанный Кембрижем, все должны его пройти, это как основа, база.

Есть наша узкоспециализированная программа, которая рассчитана на нашу систему: мы каждую пятницу с учителями встречаемся и обсуждаем, планируем, идет профессиональное обучение.

У нас есть также индивидуальный план у каждого учителя, ведется индивидуальная работа по обучению. В общем, многоуровнево, вот так мы их учим, сейчас сам этим занимаюсь.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Никто не настаивает на вопросе или на комментарии сейчас?

Тогда давайте послушаем сейчас Косарецкого Сергея Геннадьевича, тему он обозначил следующим образом: «Конкурентоспособность российской системы общего образования. Оценки и прогноз».

Сергей Геннадьевич – кандидат психологических наук, директор Центра общего и дополнительного образования Института образования Высшей школы экономики.

ДОКЛАД 2

КОСАРЕЦКИЙ С.Г.

к. п. н., директор Центра общего и дополнительного образования
Института образования Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Добрый день, уважаемые коллеги!

Большое спасибо за приглашение, действительно большая честь в таком сообществе поделиться своими соображениями.

Очень приятно, что моему сообщению предшествовал такой серьезный доклад, который очень близок мне по целому ряду интенций.

Было как раз очень интересно, что он фактически идет от школы.

Моя картина в силу того, что я занимаюсь экспертизой и аналитикой, будет картина больше с птичьего полета или с аэрофотосъемки.

Я поговорю о системном уровне.

Мы начнем с базового тезиса о том, что конкурентоспособность в образовании является не самоценностью, а инструментом достижения благополучия страны с точки зрения развития ее экономики, с точки зрения обеспечения социальной стабильности.

Сегодня идет много дискуссий о возможности прямой увязки характеристик конкурентоспособности, качества образования и характеристик социального и экономического развития.

Пока большинство сходится на наличии опосредующего звена – качества человеческого капитала.

Вокруг этого много дискуссий, но все-таки в большинстве работ образование рассматривается как главнейший фактор формирования этого человеческого капитала.

Составляющих человеческого капитала, которые создаются в образовании, как минимум две: это функциональная грамотность (читательская, математическая, естественно-научная) и то, что сегодня в разных терминах называется мягкими навыками, навыками XXI века, – их списки разнообразны, они дифференцируются от функциональной грамотности, притом что функциональная грамотность рассматривается как необходимая для них платформа.

Сюда включаются критическое мышление, креативность, коллаборация, кооперация, навыки саморегулирования и так далее.

Обе эти позиции важны, поскольку, когда я буду говорить о характеристиках качества российского образования, мы попробуем обратить внимание на различие этого качества, в том числе в этих измерениях.

Сегодня уже прозвучали характеристики места России по успешности, конкурентоспособности с точки зрения качества образования в международных исследованиях.

Я включил это в презентацию – может быть, бегло тогда просмотрим показатели наиболее общие, характеризующие динамику образовательных результатов, наше место в отношении других стран.

Вы уже, наверное, поняли или знали до этого, что у нас 3 основных международных исследования – это PISA, TIMSS и PIRLS.

PISA считается наиболее политически значимой системой оценки, я бы сказал, такой признанной в мировом сообществе образовательных политиков и систем.

Здесь мы выйдем не лучшим образом: наша динамика сравнительно с последним годом выглядит неблагоприятно, особенно в части естественно-научной грамотности. Я бы сделал акцент на естественно-научную грамотность, этому я уделю дальше тоже отдельное внимание.

При этом важно иметь в виду, что показатели места страны являются существенными или, как минимум, значимыми с точки зрения объективной оценки нашего положения дел.

Анализируя PISA, нам, скорее, важно иметь в виду, что в отличие от других исследований инструмент PISA фокусируется не только на качестве освоения знаний (буквальном воспроизводстве того, что заложено в учебниках), но на способности к прикладному или практическому применению этих знаний.

Этим задания PISA отличаются от других международных исследований, именно это различие оказывается рискованным для результатов российской системы школьного образования.

Наши дети с большим трудом используют знания для решения такого типа задач, которые связаны с реальной жизнью в окружающем мире, в развитии глобального мира, экологии, экономики.

Это обстоятельство давно находится в фокусе внимания, но существенным образом изменить здесь пока ничего не получается.

Например, для PISA характерно сильное внимание к работе с данными, с графиками, что мы сегодня видим в том числе в той области, которая, как я понимаю, объединяет большинство присутствующих в клубе.

Да, в экономике это действительно возможность анализа через структурирование и визуализацию данных.

Таких заданий пока очень мало в нашем содержании образования, хотя этот процесс идет в учебниках, а много в PISA, для наших школьников довольно сложно с этим справиться.

Результаты TIMSS – это другое международное исследование, я бы сказал, более академичное, связанное с преимущественно фундаментальными составляющими содержания образования.

Оно охватывает 4-й и 8-й класс, здесь наша страна заметно более успешна.

Наши школьники в 4-м классе занимали последний год по исследованиям естественно-научной грамотности 3-е место, по математической – 6-е место, а в 8-м классе – 5-е и 6-е места, мы здесь довольно уверенно входим в ТОП-10.

Почему еще важен ТОП-10?

Не знаю, насколько сообществу известно, **ключевой показатель успешности образования и вклада образования в достижение стратегических целей государства, закрепленных в документах федерального уровня, в Указе Президента, – это вхождение России в десятку лучших стран по качеству общего образования.**

Дальше я тоже обращаю внимание на то, как это измеряется и применяется.

Наконец, исследование, результатами в котором мы традиционно гордимся, – это исследование качества образования в 4-м классе, исследование PIRLS, это исследование читательской грамотности.

Здесь мы занимаем в последнем исследовании 1-е место, до этого были на 2-м месте.

Мы демонстрируем везде позитивную динамику результатов.

Фактически мы можем говорить, что по мере продвижения наших школьников по ступеням образования качество этого образования падает.

Здесь я не буду на этом подробно останавливаться, но важно иметь в виду, что одна из ключевых гипотез – что вклад в наши достижения в начальной школе в значительной степени обусловлен эффектами семейного воспитания.

Наши родители много, сравнительно с другими странами, читают с детьми, уделяют внимание чтению. Это связывается с лучшими успехами российских детей.

Когда мы говорим о результатах оценки качества образования народных либо российских, может быть, не так отчетливо прозвучало в выступлении моего коллеги, поскольку он фокусировался именно на том, что делают школы, делают учителя.

Но надо иметь в виду – дальше это тоже возникнет в моем сообщении, – что фактор семейный, связанный с культурным капиталом, социальным капиталом, с материальным благополучием семей, в международных исследованиях признается как более значимый сравнительно с факторами школы, сравнительно с факторами учителя и конкретными технологиями.

И в этом смысле во всех международных исследованиях и культурных оценках качества внутри стран, внутри школ вы увидите всегда различия в качестве образования у детей из семей с разным уровнем социокультурного капитала.

Образование не естественная наука, здесь мало закономерностей, тем более законов, но вот это одна из самых «твердых» закономерностей.

В среднем, если ребенок воспитывается в семье с более высоким уровнем образования у мамы, его оценки выше, несмотря на все другие факторы, которые действуют в системе образования.

Это очень важное обстоятельство, я к нему буду неоднократно возвращаться.

Важным критерием эффективности и конкурентоспособности системы образования в связи с этим является не только общий рост качества образования, но ослабление силы связи между качеством образования и характеристиками семей.

Это очень важный момент, на нем фокусируется внимание в исследованиях PISA, во всех ключевых докладах: чем более качественная система образования – пример Финляндии в этом смысле особенно важен,

поскольку там достаточно высокий уровень качества образования (он падает последние годы, это отдельный вопрос, но традиционно он был высоким), там очень небольшая разница между качеством образования у детей из семей с различным социально-экономическим укладом, но притом что в Финляндии в целом различия внутри страны не очень высоки между группами.

Есть страны, где качество образования высокое, но разрыв между семьями в качестве образования тоже высокий.

Сегодня вот эта несбалансированность также вызывает вопрос в контексте задач обеспечения справедливости, равенства.

Снижение влияния семейного фактора на качество образования рассматривается как одна из задач образования.

Что еще существенно в интерпретации качества образования и конкурентоспособности системы?

Всегда обращается внимание на то, как успешны или на какой уровень выходят дети из самой низкой группы по качеству образования и самой высокой.

Если мы посмотрим на самую низкую группу, то мы увидим, что у нас фактически порядка 20% в среднем детей, не достигающих базового 2-го уровня функциональной грамотности.

Что это значит?

Что эти дети практически дальше не приспособлены к социальной и профессиональной жизни.

Можно сказать так, что возможности этих детей для развития уже были не использованы в 15-летнем возрасте, дальше вряд ли им что-то уже поможет, скорее всего эти дети столкнутся с серьезными проблемами в поступлении даже в колледжи, с трудоустройством, не смогут

обеспечить нормальную производительность труда, у них возникнут риски социальной дезадаптации.

В целом для стран ОЭСР эта цифра выглядит достаточно приличной, фактически на уровне среднего, даже чуть выше. Но если мы будем сравнивать со странами, которые можем рассматривать как наших конкурентов в экономическом плане, то там эта цифра заметно выше.

То есть в упомянутых лидерах Финляндия и Сингапур, Канада.

Эстония – это лидер в последние годы по качеству образования, это очень любопытный пример. У них доля учащихся, не достигающих вот этого базового порогового уровня, существенно меньше.

Мы фокусируем внимание на этой группе детей, отстающих, в так называемом «хвосте».

Ряд коллег-экспертов фокусирует внимание на «голове». Наша «голова» тоже выглядит как у динозавра: такая очень маленькая – сравнительно с нашим «телом» – доля учащихся, достигающих высокого уровня функциональной грамотности, это 5–6-й уровень.

У нас этот показатель также ниже, чем у стран-конкурентов. Притом что, как вы видите на этом графике, он вырос в последний год исследования, все равно он ниже.

У наших стран-конкурентов он составляет 10%, мы здесь немного подтянулись только по математической грамотности, а в основном вот эта доля наших лучших, наиболее способных детей по критериям PISA, как вы видите, низкая.

На этом слайде вы видите другой способ измерения качества образования.

Последняя PISA межнациональная, в которой участвовали, была в 2018 году. Мы больше в ней не

участвуем по известным обстоятельствам, но мы продолжаем использовать методику PISA, не отменяя этого ориентира в показателях, – так называемая методика по модели PISA.

Она измеряет, как вы видите, качество образования теперь уже ежегодно – в 2019 и 2020 году.

Здесь, говоря о функциональной грамотности по чтению, нам удалось улучшить результаты с «хвостом»; по естественному примерно на том же уровне остается размер «хвоста».

Последнее измерение 2020 года сравнительно с 2019-м показывает, что здесь ситуация довольно стабильная, есть некоторый рост доли детей, достигающих базового уровня функциональной грамотности, есть некоторый рост нашей «головы», тоже некоторое увеличение, что кому-то внушает оптимизм, кто-то по-прежнему считает: недостаточно.

В этом смысле на этой диаграмме важно обратить внимание, что 2020 год был годом выхода из коронавируса, точнее, замеры были связаны с периодом коронавируса и ограничениями на очное обучение в школе.

Вы видите, что по модели PISA результаты вроде бы не ухудшились даже у детей с низким уровнем образования.

Эта картинка вызывает довольно много вопросов – или повод для гордости, или повод для сомнений, – поскольку в большинстве развитых стран мира зафиксирована довольно серьезная потеря в качестве образования, особенно для детей с низкими образовательными результатами.

Что существенно, на что я обращал внимание, это измерение качества образования, связанное с социальной стратификацией.

Мы видим, глядя на PISA, что быстрее всего снижаются с 2015 по 2018 год результаты детей с низким социально-экономическим статусом.

То есть и так разрыв сам по себе существует – как я сказал, это закономерность, – но он может быть больше, может быть меньше. Политика должна быть направлена на его сокращение, во всяком случае, так общепризнано.

У нас, к сожалению, пока сокращать этот разрыв не получается.

Наибольший прирост доли функциональной неграмотности учащихся, то есть тех, кто не достигает порогового уровня, и дальше мы прогнозируем такой тупик их образовательного и социального развития, он также растет в семьях с низким социально-экономическим статусом.

Что еще существенно для российской картины качества образования?

Это различие по территории проживания семей.

Так же, как и в случае с социально-экономическим статусом, это закономерность: в школе в сельской местности результаты детей в среднем ниже, чем в более урбанизированных территориях.

Последние данные 2020 года это также подтверждают: мы видим, что чем крупнее город, тем выше качество образования.

С одной стороны, здесь опосредованное влияние того же самого фактора социально-экономических характеристик семей, поскольку в менее урбанизированных территориях больше семей с низким социально-экономическим статусом.

С другой стороны, возможности более урбанизированной среды дают дополнительные ресурсы для образования ребенка: город как образование, среда и так далее, ресурсы городской среды, культуры, спорта, науки также могут быть использованы семьями и детьми через практики дополнительного и неформального образования.

Наконец, очень важная, часто игнорируемая характеристика: у нас страна внутри очень неоднородная.

Вы, как специалисты в экономике, знаете, как отличаются наши регионы по этим показателям, очевидным образом это проявляется и в образовании.

Наши межрегиональные различия выше, чем даже межстрановые.

В PISA у нас выборка репрезентативная для страны, мы не можем смотреть на качество образования по регионам.

Но в последней PISA 2018 года у нас были Татарстан, Московская область и Москва.

Здесь мы видим: Москву я сюда не включил, но Москва у нас является лидером в качестве образования, входит в тройку фактически по PISA, если отдельно брать выборку Москвы.

А вот, например, Татарстан демонстрирует довольно неожиданные низкие результаты.

Если бы мы сюда включили, например, Туву или какую-то из республик Северного Кавказа, мы бы увидели, что они вообще находятся в хвосте, сопоставимы со странами Латинской Америки.

Мы знаем это и на других данных. Наша дифференциация по качеству образования и по соответствующим условиям обучения чрезвычайно высока между регионами.

Если мы посмотрим на связь между качеством образования и характеристиками ресурсов, то мы увидим, что эта связь присутствует. Она не является жесткой, это предмет постоянных дискуссий, но таковая есть.

Если мы посмотрим на школу с самыми низкими результатами, то мы найдем там меньше всего педагогов с высоким уровнем образования и квалификации, мы найдем там меньше образовательных материальных ресурсов, мы найдем там более бедную образовательную среду.

Если мы посмотрим на регионы, мы увидим, что они отличаются существенно по характеристикам кадров. В

этом смысле наши исследования в институте показывают, что в школе с самыми высокими результатами в каком-то там одном из регионов РФ эти результаты ниже, чем в школе из 3-го квартиля другого российского региона.

Это ситуация, на которую я хотел бы специально акцентировать внимание.

Посмотрим на факторы, на характеристики, которые связаны с конкурентоспособностью, с качеством образования.

Затраты на образование – тема, категория, являющаяся предметом постоянных дискуссий.

Общий консенсус здесь на сегодняшний день в том, что прямой связи между финансированием образования и результатами нет, это показано на исследованиях той же PISA многие годы.

Шляйхер, лидер PISA и ОЭСРовской группы по образованию, утверждает, что есть здесь закономерность: страны должны тратить не менее 50 000 долларов на 1 учащегося на протяжении с 6 до 15 лет.

Если страна тратит меньше, то тогда закономерно ее результаты будут ниже.

А если тратит больше, там начинают работать другие факторы.

По нашим оценкам, с 6 до 15 лет на 1 учащегося тратится 51 000 долларов, мы где-то на пороге.

Но по общим показателям, как вы видите на слайде, мы находимся в самом конце: у нас очень низкие затраты на общее образование, они только уменьшаются, здесь нам похвастаться абсолютно нечем.

Здесь мы можем сказать, что развитые страны точно тратят не менее 5% от объема своего ВВП на образование, причем здесь важно учитывать еще расходы семей, которые у нас немалые, и при этом у нас частное образование довольно слабо развито.

Также важно иметь в виду, что расходы в нашей стране очень сильно отличаются по субъектам.

У нас разница достигает более 5 раз потребительской корзины на ребенка, например, в Ненецком автономном округе и в Московской области.

Эта тема сегодня уже была затронута. В каком-то смысле я ее продолжаю. Мне кажется, это полезно для объемной картинки.

Наша зарплата учителей тоже очень низкая. Здесь мы опережаем только наших коллег по бывшему Советскому Союзу – Белоруссию и Казахстан, причем, в средней зарплате, внутри этих стран зарплату менее дифференцированы.

У нас разрывы в оплате труда учителей доходят до 5–7 раз: 120 000 в Москве, условно 14 000–15 000 в одном из российских слаборазвитых регионов.

Мы уступаем здесь очевидно странам, с которыми нам интересно было бы сравнивать себя.

Причем даже странам из бывшего Советского Союза.

Посмотрим на показатели зарплаты Эстонии: как я заметил, последнее время она фактически заменила Финляндию в лидерах по качеству в PISA.

Мы говорим о дефиците кадров. Это данные официальной статистики. Считается, что она объективно не учитывает реальную картину дел, но как минимум динамику роста, объема вакансий даже она отражает.

Доля вакансий как в городе, так и на селе растет; особенно высокий дефицит учителей иностранного языка, особенно высокий дефицит психологов, специалистов сопровождения.

В качестве более сопоставимой картинке можем привести данные РАНХиГС, наиболее свежие исследования 2021 года по нескольким российским регионам, где, как вы видите, о «некотором дефиците» заявляют более 50%

российских школ, а о «существенном дефиците» – порядка в среднем 5%.

То есть ситуация с кадрами выглядит довольно неблагоприятно.

Это связано, с одной стороны, с ростом численности обучающихся за последнее десятилетие.

С другой стороны – со снижением привлекательности учительской профессии.

Притом что в педагогические вузы в последние годы число абитуриентов на педагогические специальности растет, а доля тех, кто продолжает дальше работать в школе, остается немногочисленной.

Мы видим, что растет нагрузка на учителей по численности учащихся.

Она не везде еще превышает ОСЭРовские показатели, но близка к ним по характеристикам: в средней школе 12–13 учащихся на 1 учителя. И существенно превышает уже среднее значение в начальной школе: там в среднем 14,5 детей – у нас в начальной школе на 1 учителя приходится 23,5 обучающихся.

Тревогу вызывает не рост нагрузки на детей и учителей и даже не низкий уровень зарплат, а рост нагрузки, связанный с объемом времени.

Косарецкий С.Г.: Прошу прощения, коллеги, что-то случилось с Интернетом. Я попробую продолжить.

Тосунян Г.А.: Сергей Геннадьевич, пока Вы включаетесь, я хочу сказать, что у Вас такое представление, что здесь только экономисты и финансисты.

Я уже упоминал, что здесь у нас крупнейшие социологи, философы, математики.

В частности, присутствуют директор Института системного программирования академик Аветисян Арутюн Ишханович и сопредседатель нашего НКС академик

Гусейнов. Так что отнюдь не только финансисты и экономисты, прошу это учесть.

Косарецкий С.Г.: Замечательно, тем интереснее будет получить обратную связь.

Тосунян Г.А.: У Вас осталось 6 минут.

Косарецкий С.Г.: Да, мы заканчиваем с учителями, фиксируя их очень высокий уровень нагрузки.

По разным оценкам, в одном из исследований это 27 часов аудиторной нагрузки по основной работе, также есть некоторый блок по дополнительной нагрузке, вне основной работы.

По другим данным, у нас растет возраст учителей, не сокращается разрыв между педагогами пенсионного возраста, предпенсионного и молодыми педагогами.

Есть попытки вырастить долю молодых педагогов, наблюдаются, но они пока не обеспечивают реального сокращения разрыва.

Заработная плата, как мы видим, сокращается как в объективном выражении – по отношению к средней заработной в экономике, так и в номинальном выражении.

Наконец, что у нас происходит с инфраструктурой, это тоже важная характеристика.

У нас основные усилия, основные финансовые ресурсы бюджета направлены на строительство новых школ, для того чтобы сократить долю второй и третьей смены. С третьей получается, со второй пока нет.

В этом смысле в регионах школы остаются переполненными, возможности для внеурочной деятельности в достаточной степени ограничены.

Заканчивая, я хотел бы обратиться к тому, с чего начинал.

В качестве образования сегодня понимаются не только результаты сдачи единого экзамена или тестов.

Оценки функциональной грамотности – это то, что мой коллега называл навыками высокого порядка, что я бы зафиксировал как мягкие навыки, или метапредметные навыки, или компетентность.

Мы видим, что здесь в оценке PISA в 2015 году у нас есть возможность посмотреть на так называемый *problem solving* и *collective problem solving* – групповое решение проблемных заданий, где можно видеть, как наши ребята работают в команде для решения сложных задач.

Результаты здесь у нас тоже не очень хороши.

То есть одно из немногих сравнительных измерений международных, наша конкуренция на этом поле пока тоже не в нашу пользу.

С чем это связано?

Связано с содержанием нашего образования.

У нас довольно медленно идет реформа содержания образования.

Последнее время даже началась контрреформа, нам не удалось полноценно включить метапредметные результаты в содержание образования.

В последнее время усилилось внимание к предметной составляющей, к контролю за единообразием учебников, за тем, как конкретные параграфы будут проходиться, как они будут предъявляться и проявляться в тестах.

В этом смысле есть риски, что в части формирования современных навыков и компетенций по качеству мы будем тоже уступать, поскольку для ведущих стран и для Финляндии, Сингапура, Южной Кореи, Канады характерны

довольно серьезные изменения, связанные с реформой куррикулума¹.

Они по-разному оцениваются. Есть серьезная дискуссия в этой части, но у нас нет времени здесь уже на оговорки.

Наконец, еще один сюжет я покажу, это внимание к тому, насколько наша школа может работать на технологическое развитие.

Есть проблемы – они звучат в медиа в последнее время – с подготовкой будущих специалистов по физике.

У нас довольно мало детей выбирает физику и математику в качестве профильного предмета. Здесь есть рост программистов, а вот по физике видно сокращение.

Аналогично, вы видите, очень мало выходит на сдачу ЕГЭ, значит, не выходят дальше на экзамен, не поступают в вузы по профильным предметам, поскольку без профильного ЕГЭ невозможно поступить. Это означает, что дети дальше не идут по этому треку.

Это один из факторов, который тоже снижает нашу конкурентоспособность, поскольку STEM – это ключевая тема для дискуссии относительно связки школьного, высшего образования, развития науки и технологий. Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Сергей Геннадьевич.

Давайте сейчас перейдем к вопросам, потом – к обсуждению.

Коллеги, вопросы.

В чате уже есть вопросы, я предлагаю их сформулировать устно. Михаил Федорович, Вам слово.

¹ Куррикулум – теория и понятие, применяемое в области образования, которое означает парадигму образования, включающую процесс и систему проектирования и методическое регламентирование процессов, ведущих к результатам обучения.

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – к. п. н. КОСАРЕЦКИЙ С.Г.

Черныш М.Ф.: У меня вопрос по поводу проведения PISA.

Известно было, что китайцы мухлевали с результатами PISA.

Они, например, проводили большую часть исследований по PISA в районе Шанхая, в тех районах Китая, где уровень образования и преподавания в школах был наиболее высоким.

Были такие подозрения в отношении наших исследователей по программе PISA: хотя выборка считается репрезентативной, тем не менее говорилось, были такие подозрения, что для исследования выбирались в качестве места опроса наиболее сильные школы, а не слабые.

Что могли бы сказать по этому поводу?

Косарецкий С.Г.: Я слышал вопрос.

Вопросы по проведению PISA есть, это довольно активно обсуждается применительно к методологии и к процедурам.

В случае китайцев – прозрачно, там нет манипуляций. Китай фигурирует не как Китай в целом, а именно по совокупности ведущих городов: Шанхай, еще 2 или 3, – поэтому здесь все понимают, что Китай представлен не полностью как государство.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Марина Буланова из РГГУ.

**проф. БУЛАНОВА М.Б. – к. п. н. КОСАРЕЦКИЙ С.Г.,
к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В.**

Буланова М.Б.: Коллеги, спасибо за приглашение принять участие в работе совета.

Немного о себе: профессор, доктор социологических наук, работаю на социологическом факультете РГГУ, представляю научную школу Жана Терентьевича Тощенко.

Вопрос у меня следующий.

Сейчас в центре общественной и научной дискуссии находятся вопросы, связанные с ЕГЭ.

Высказываются разные точки зрения.

Многие исследователи, решая проблемы качества образования, считают, что нужно отказаться от этого экзамена.

На ваш взгляд, сохраняется ли потенциал у ЕГЭ, или России действительно следует двигаться в сторону траектории самостоятельного обучения ребенка, развития его индивидуальных способностей, что и было представлено в первом докладе?

Тосунян Г.А.: Я думаю, это вопрос к обоим докладчикам.

Буланова М.Б.: Наверное, да.

Косарецкий С.Г.: Я думаю, что в перспективе важно отказаться от ЕГЭ.

Это точно не тот инструмент, который обеспечивает объективную оценку качества в том понимании, как он на сегодня видится.

Перспектива, видимо, связана действительно с персонализацией оценки и с использованием инструментов искусственного интеллекта.

Технологически пока мы здесь ограничены: у нас, к сожалению, довольно серьезные риски отказа от ЕГЭ с точки зрения надежности процедур, уровня доверия внутри системы, уровень рисков манипуляций чрезвычайно высок.

С другой стороны, у нас довольно серьезная проблема в линии развития цифровых технологий, потому что мы встречаемся с серьезным сопротивлением части родительского сообщества по использованию «цифры» для работы с интеграцией персональных, индивидуальных данных.

Здесь множество конспирологических теорий, все попытки выстроить систему учета индивидуальных данных для пользы, интеграции их в единую систему на протяжении обучения ребенка, фиксации цифровых следов вызывают довольно серьезное сопротивление.

Буланова М.Б.: Еще один вопрос связан с функциональной неграмотностью детей уже на уровне начальной школы.

По замыслу его создателей, ЕГЭ в этом смысле позволяет уравнивать шансы учащихся, подтягивая их «под одну планку» и тем самым преодолевая существующее неравенство.

Как решается проблема преодоления неравенства детей в доступе к образованию или в освоении образовательных программ?

Косарецкий С.Г.: Конечно, это в центре нашего внимания. Фактически дети уже перед школой приходят с разным уровнем готовности, обусловленным их предшкольным этапом развития.

Мы видим растущее число родителей – это тоже отчасти в чате звучало, – которые вкладываются, только

уже даже не в репетиторство, а в дошкольную подготовку детей.

Мы понимаем, что этот разрыв при существующих возможностях учителей преодолеть чрезвычайно сложно.

Для нашей страны нехарактерным является разворачивание политики, направленной на сокращение неравенства и на поддержку неуспешных.

Мы традиционно фокусируемся на талантах, на их выращивании и развитии.

В последние годы здесь появляются некоторые инициативы, но недостаточного масштаба и финансирования, и объективно перспектив изменения ситуации фактически нет; если только за счет снижения уровня достижений высоких групп мы сможем получить меньший разрыв между сильными и слабыми.

Есть одна из гипотез – ряд исследований к ней подводят, – что у нас школа фактически как раз не влияет на ту картину, которая определяется социально-экономическим статусом.

То есть влияние школьного фактора меньше, чем во многих других странах. Средний уровень, который фиксируется в том числе международными исследованиями, обеспечивается скорее всего в семье и дополнительными вкладами семьи, чем школой как таковой.

Буланова М.Б.: Александр Владимирович обратил внимание на роль школы в дальнейшем профессиональном развитии ребенка.

Получается, что в результате стандартизации программ обучения школа фактически не выполняет функцию селекции детей или недостаточно ее выполняет.

В этом плане какова роль школы в жизни ребенка в Сингапуре?

Тосунян Г.А.: Александр Владимирович.

Кузнецов А.В.: Надо четко различать, что в Сингапуре есть государственные школы и коммерческие.

В Сингапуре процент коммерческих школ самый большой в мире: на 250 государственных школ 110 международных школ, включая нашу.

Потому что 30% населения Сингапура – это экспаты, это белые люди, которые приезжают из Европы, Америки, Австралии, остальные по национальному составу – китайцы и индусы.

Звучал вопрос, сразу по ходу ответу.

В моей школе дети 25 национальностей, у нас нет никаких специфических англосаксонских ценностей, о которых был вопрос в нашем чате.

У нас есть миссия нашей школы, она состоит в том, чтобы вырастить ребенка эрудированным, уверенным в себе и ответственным, заботливым, добрым, – вот и всё, вот наши ценности.

Вся наша система направлена именно на достижение этих целей, а не на то, чтобы он поступил в университет, это совершенно нас не волнует.

Нам важно, чтобы ученик научился нестандартно мыслить, был уверен в себе, вообще любил учиться. Здесь я перехожу к ответу на Ваш вопрос.

Непосредственно ЕГЭ – это стандартизированный тест. Здесь никаких споров не должно быть: это стандартизированный тест, он обязательный.

Другое дело, как они проводятся.

Всякие манипуляции во многих странах – мы об этом слышим – приводят родителей к тому, что, может быть, его нужно отменить и так далее.

Стандартизированный тест отменять нельзя – другое дело, что надо повышать качество обучения.

Но сам по себе тест не влияет на качество обучения, кроме того, он порождает страх в ученике, что он его не сдаст.

На качество обучения влияют те факторы, которые мы рассмотрели. Самое главное, один из самых главных – это люблю я моего учителя вообще или нет, чувствую я себя победителем в классе или нет.

Мне очень понравилось, в чате кто-то из наших участников написал, я вам зачитаю, это за душу берет.

Написали:

«В моей жизни решающую роль в развитии и выборе пути сыграла учительница 1-го класса. Своим тактом, теплотой и тем, что помогла мне понять себя».

Вот она – роль учителя.

Как нам сделать так, чтобы в школах было больше таких учителей? В Брянске 75 человек вообще не могут найти, это вакансии учителей.

Конечно, зарплата – один из главных факторов. Мы видим в моих расчетах, что это небольшое увеличение бюджета. Мы верим в то, что есть два ключевых фактора с точки зрения учителя.

Первое. Учитель – друг, если я вижу, как учитель мне лично объясняет.

И не просто как босс какой-то в классе объясняет всем, страшный такой.

А когда он мне помогает решить мою собственную задачу!

Это порождает совершенно уникальную психологическую атмосферу связи «учитель – ученик».

Мы специально учим учителей, как устанавливать и поддерживать эмоциональную связь с учеником.

Это ключевой фактор, № 1.

Если учитель не умеет этого делать, даже если он хороший математик, ничего не получится, я просто не буду любить этот предмет.

Поэтому школа никак не будет влиять на мою будущую жизнь.

Потому что я просто эмоционально не вовлечен, а все мое развитие идет в семье, на улице, где угодно, с тренером моим по боксу или по плаванию, но не в школе!

Потому что там нет никаких связей, только с друзьями.

Второе. Помогает ли мне учитель почувствовать, что я вообще крутой, что я могу, что я могу справиться, что я достаточно умный?

Если эти два фактора обеспечены: первое – меня любят, второе – я умный (вспомните пирамиду Маслоу, там на третьем уровне любовь, социальное принятие, четвертый уровень – уважение, это просто основа) – эти две колонны поддерживают мою уверенность в себе как ученика, а эта уверенность в себе обеспечивает мотивацию, вот и всё.

Если у меня есть мотивация, больше ничего не нужно.

Потому что я уже сам разберусь, сам найду, спрошу и так далее.

Меня не нужно пихать, бить палкой, как в сингапурских государственных школах.

Сингапурские коммерческие школы – международные, совершенно другая история, в частности, наша тоже.

Буланова М.Б.: Чем еще (кроме «мотивации палкой») отличается обучение в частных и государственных школах Сингапура?

Кузнецов А.В.: Вы видели, что Сингапур на первом месте по способности к решению коллективных задач. В PISA есть такие задачи, которые может решать только группа.

Знаете, почему это?

Потому что это семья, это маленькое государство, все друг друга знают.

Когда они идут в армию, у них это не «армия» называется, это National Service, то есть я служу своей нации: не просто какой-то абстрактной нации – я служу своим соседям, потому что все близко друг к другу расположены.

Вот это ощущение семейности, оно возвращается начиная с того, что в государственных школах ежедневно в 7.30 утра звучит гимн, проводится поднятие флагов.

Кстати, ученик государственной школы не может учиться в коммерческой школе, это запрещено правительством.

Во всех коммерческих школах учатся только дети экспатов.

Исключения для местных детей – только по специальному разрешению, если есть медицинское заключение, что ученику нужен маленький класс, потому что он отвлекается, такие у нас сингапурцы есть.

Местные жители формируют вот эту ценностную идею, что мы все братья, мы должны служить нашему отечеству.

Когда я на это смотрю, у меня просто сердце кровью обливается, потому что этого не происходит в России.

У нас есть вот это патриотическое воспитание, но оно какое-то сильно другое.

Патриотизм в Сингапуре построен на любви, на эмоциях, а не на чем-то таком, что мы там лучше всех, – здесь такого нет.

Буланова М.Б.: Коллеги, поделюсь опытом работы на трехдневном научном семинаре по образованию, проводившемся в Высшей школе экономики.

В центре внимания были созвучные нашему сегодняшнему совещанию тренды: построение индивидуальной траектории для учащихся на всех уровнях образования (в том числе и в школе); максимальное сохранение благоприятного социально-психологического климата для учителя и ученика.

В этом плане Александр Владимирович очень интересно рассказал о работе в школах Сингапура специальных педагогов, которые отслеживают психологическое состояние учащихся в период обучения.

В российских школах есть замдиректора по воспитательной работе, но он перегружен бумажной работой, отчетами.

Психологи тоже есть, но их так мало, что они в состоянии добраться только до так называемых «проблемных» детей.

Еще одна актуальная тема, которая была поднята на конференции в Высшей школе экономики, – это проблема буллинга не только в отношении детей, но и в отношении учителей, например, со стороны родителей.

Отсюда вопрос: есть ли буллинг² в сингапурских школах?

Есть ли международный опыт решения этой наболевшей проблемы?

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кто готов ответить? Вы друг друга дополните.

Косарецкий С.Г.: Я готов. Я достаточно полно представляю себе дискуссию, которая была в стенах моего университета в последние годы.

В целом тема психологического благополучия, индивидуальных траекторий – это два ключевых тренда в обсуждениях в российском академическом сообществе и за рубежом.

Тема буллинга особенно стала значима после пандемии, когда потери в качестве образования оказались даже меньше, чем потери именно с точки зрения психоэмоционального состояния, роста депрессии, тревожности.

В развитых системах образования показатели well being, инструменты его обеспечения сегодня начинают в каком-то смысле или быть сбалансированными, или конкурируют с задачами обеспечения качества. Эта дилемма все более активно обсуждается.

У нас ситуация с буллингом не очень хорошая: эти показатели высокие, высокие в том числе в международных исследованиях, динамика здесь негативная.

² Буллинг (англ. bullying – запугивание) – травля, агрессивное преследование и издевательство над одним из членов коллектива со стороны другого, но также часто группы лиц, не обязательно из одного формального или признаваемого другими коллектива.

Это буллинг между детьми, буллинг по отношению к учителю, довольно сложное отношение российского учительства с российским родительством.

В инструментальном плане здесь решений пока не намечено. Министерство пробует подступиться в новой концепции «Школа Минпросвещения России»: тема школьной среды, климата, безопасности занимает, как минимум декларируется как важная.

Агентство стратегических инициатив запустило сейчас инициативу по формированию так называемой дружелюбной школы.

Мы как раз недавно реализовывали проект, где проводили опросы родителей, что бы они считали показателями дружелюбной школьной среды, являются ли российские школы дружелюбными, что для этого нужно сделать.

В этом опросе половина сказала, что или не являются вообще, или таких очень мало. Поэтому это действительно очень острая тема, Вы правы.

Кузнецов А.В.: Можно я дополню?

Есть у PISA еще другой раздел, который называется Student education experience. Они не просто там задачи решают, они еще отвечают на вопросы о том, что вообще происходит в психологическом плане.

Смотрите насчет буллинга: в целом по миру 23% учеников говорят о том, что по крайней мере несколько раз в месяц они подвергались буллингу.

В Сингапуре, в сингапурских государственных школах – 26%, выше, чем в мире. Это очень интересные и странные цифры.

В нашей школе – 12%, на следующий год мы поставили цель 10%. Принимаем определенные меры.

Я хочу ответить на второй вопрос, он более для меня важен, по поводу эмоционального благополучия ученика.

Я хочу просто привести два примера очень кратко.

У нас в школе есть девочка, которая страдает тревожным расстройством личности, она к нам пришла в 16 лет.

С 4-го класса она перестала ходить в школу из-за anxiety disorder, это тревожное расстройство. Когда она находится в классе, а в классе много детей, особенно когда ей задают вопросы, особенно неприятные, она себя очень плохо чувствует и просто отказалась ходить в школу.

Она была практически 6 лет на домашнем обучении. Мы вместе с родителями разработали стратегию, чтобы она начала ходить в школу.

У нас есть политика: мобильный телефон в школе запрещен. 500 долларов штраф сразу, даже если мы в портфеле найдем телефон или какой-то там девайс. Мы об этом родителям говорим в самом начале, чтобы не было обид потом.

Эта девочка, когда об этом услышала, она просто повернулась и сбежала. Ей 16 лет, родитель извинился. Мы поняли: когда она слушает музыку, она успокаивается.

Мы ей разрешили, во-первых, ходить только на три урока, даже сначала на два урока, разрешили телефон вместе с наушниками, чтобы она могла включить музыку, когда ей трудно.

Мы запретили учителям задавать ей вопросы, просто пусть сидит первое время и слушает. Это техника дистанцибиллизации: пришел в школу – уже хорошо, baby steps, такие маленькие шажки.

Пришел в школу, пришел в класс, посидел, высидел целый урок – это уже победа; потом два урока, потом три.

Сейчас она ходит на все уроки, уже не использует наушники.

Это один из примеров того, как мы индивидуально подходим к сложным случаям.

Но опять же, у нас персонафицированная школа, у нас вся структура построена на том, чтобы школа строилась вокруг ученика.

Родитель всегда рядышком с нами, участвует в разработке этих индивидуальных планов.

То есть у каждого ученика есть individual plan, это план его индивидуального развития и поддержки, даже у детей, которые намного выше среднего, потому что для них support состоит в том, чтобы обучение было достаточно сложным, чтобы соответствовать их уровню способностей.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

У меня такая просьба: давайте мы послушаем Михаила Яковлевича Шнейдера, директора школы № 45. Это лучшая гимназия, одна из ведущих гимназий Москвы.

А потом продолжим, потому что эта дискуссия касается всех. Будет жалко, если мы на последнее выступление совсем мало времени оставим. Тем более что Михаил Яковлевич всего 20 минут просил, мы ему сейчас дадим 20 минут.

Александр, извини, что я тебя перебил, мы продолжим, тем более что здесь еще есть ряд вопросов, которые в чате, я попрошу Юлию Борисовну не в чате, а вживую задать вопросы.

Если не возражаете, сейчас тогда слово Михаилу Яковлевичу, 20 минут, и мы переходим к заключительному обсуждению всех трех докладов.

ДОКЛАД 3

ШНЕЙДЕР М.Я.

директор ГБОУ г. Москвы «Школа № 45 имени Л.И. Мильграма»

Добрый день, коллеги!

Спасибо большое за возможность участвовать.

Конечно, педагогика – дело очень важное. Я думаю, что мои коллеги, директора многих школ, сегодня озабочены больше всего организацией нашей деятельности. Имею в виду систему, хотя, конечно, внутри школы очень важно, как организован процесс и финансирование.

Что бы мы ни говорили, какие бы мы ни ставили перед собой замечательные цели, если эти два параметра не очень удовлетворяют нас и наших партнеров по образовательному процессу, то есть детей и родителей прежде всего, то, наверное, о качестве образования говорить сложно.

Вообще определений качества очень много, только это можно обсуждать годами.

В конечном итоге каждая сторона, в значительной степени каждая школа, если она пользуется хоть какой-то автономией, выбирает для себя то определение, которое соответствует потребностям именно тех, с кем данная школа работает, или граждан той страны, о которой идет речь.

Честно говоря, меня в меньшей степени волнует то место, которое мы занимаем в международных исследованиях, хотя, конечно, это очень ценно.

Но любая статистика требует интерпретации не просто на уровне научных учреждений, но и на уровне школ.

Я почти уверен, что школы этой интерпретацией не занимаются не потому, что не хотят, а потому, что им просто некогда, у них очень много других проблем.

Если говорить об официальном определении качества, первое, что здесь показано, – это то, что взято из закона, из стандарта.

Да, образовательные результаты соответствуют стандарту, ожиданиям общества, потребностям личности.

Если вспомнить предыдущий стандарт, который еще у нас продолжает в некоторых параллелях работать (ФГОС 2.0), там было наоборот: это запрос личности, общества и государства.

Здесь, видите, у нас немного перевернулось, почему – я думаю, не надо всем объяснять, присутствующие люди грамотные.

Мы, находясь в двух пространствах, увидели, что эти пространства не просто пересекаются друг с другом, они в значительной степени совпадают.

Первое пространство – это образовательная российская система, второе пространство – это тот самый Международный бакалавриат (ИБ), который сегодня упоминал Александр Владимирович.

Если говорить о критериях первого уровня, то там все понятно, тут не о чем особо спорить, все это нужно, все это необходимо.

Из этого вытекает то, что человек, который обладает соответствующими компетенциями, востребован работодателем, востребован на рынке труда.

Мы очень много говорим о том, что задача любого образовательного учреждения – подготовить ребенка к взрослой жизни, чтобы он, не дай Бог, не потерялся потом на ее просторах.

Учитывая, что у нас вроде бы рыночная экономика, надо ориентироваться на запросы работодателя.

Какой нужен человек работодателю?

Здесь все это написано.

Плюс, конечно, это должен быть человек лояльный, человек, которого можно дальше воспитывать в корпоративной культуре, и так далее.

Достаточно ли этого?

Мы полагаем, что нет, что это в значительной степени уводит нас от того образа страны и общества, в которых хотелось бы жить, или хотя бы чтобы наши потомки смогли там жить.

В наших стандартах есть так называемый «портрет» ученика, еще переводят «профиль» («профайл» – буквально).

Мы исходим из того, что это некий эталонный образ, который действительно показывает, к чему бы надо было стремиться.

Если взять эти качества выпускника – не только выпускника, вообще любого человека, который учится: это ребенок, это взрослый; понятно, что в идеале любой взрослый человек должен тоже всю жизнь учиться, тем более в современном обществе ему еще, возможно, предстоит менять занятие, менять профессии, – понятно, если мы говорим о таком ученике, то мы должны говорить и о таком учителе.

Как видите, здесь нет никаких политических признаков, но очень много из того, что здесь есть, предполагает несколько иные критерии.

Здесь появляется то, что называется у нас *soft skills*, – переводят как «мягкие навыки», как «гибкие навыки», – как бы ни переводить, понятно: это то, что, вообще говоря, позволяет человеку жить в обществе, нормально в нем жить, то есть быть частью различных сообществ.

Если все-таки подводить некоторые промежуточные итоги, например, моей собственной деятельности (а у меня

44-й сезон в школьном образовании), я полагаю, что самое важное, что я здесь на последнем месте поместил, это last but not least – эмпатия, это то, что в нашем обществе, к сожалению, практически отсутствует.

Если говорить о той среде, о том пространстве, в котором находятся граждане разных стран, то, конечно, идеально стремиться к тому, чтобы в стране все-таки среда была благожелательной, а не агрессивной.

Тут присутствуют социологи; я думаю, что они не дадут соврать: уровень доверия в нашей стране критически низкий.

Отсюда, кстати, вопросы: надо нам ЕГЭ проводить или не надо, а если не надо, то что же нам проводить?

Что бы мы ни проводили, возникнет вопрос: а как мы это проводим?

Мы это проводим так же, как очень многое другое, – с заранее расписанными результатами?

Или мы действительно сможем узнать что-то новое? Что со всем этим делать?

С 90-х годов, даже с конца 80-х годов, наша образовательная система строилась на вариативности: каждая школа в конечном итоге определяла миссию.

Благодаря первому российскому закону об образовании каждая школа имела такую возможность.

И сегодня, кстати, 273-й ФЗ не отнимает таких возможностей.

Вариативность – это то, что необходимо любому ребенку, любой семье, даже если они до конца не осознают.

К сожалению, сегодня мы видим наступление на вариативность, сегодня уже об этом по касательной

говорилось, но без вариативности все, о чем мои уважаемые коллеги говорили, невозможно.

Если вариативности не будет, тогда мы можем все дискуссии закрыть, вернуться к варианту не советскому, не позднесоветскому, а к варианту среднесоветскому.

Я напому, что в 20-е годы у нас было много интересного в образовании: проектный метод, школы были автономными, наша педагогическая психология развивалась так, что стала международно признанной.

Потом, как известно, все это было задавлено, школа была унифицирована таким образом, что программы были абсолютно одинаковыми, учебники одинаковые, идеология парила над всем, царила во всем.

Если читать проекты документов, которые нам сегодня предлагают, то мы видим, что мы к этому, как говорит один мой большой друг, неуклонно стремимся.

Например, со следующего года гуманитарные предметы будут изучаться во всей стране по единым программам, таких предметов 6 набрали. Это уже не просто то, что нас беспокоит, это то, что уже становится даже не трендом, а реальностью.

Если это так, тогда становится все остальное нелогично.

Если школы автономные, если образование вариативное, тогда понятна логика 83-ФЗ о бюджетных учреждениях и закон об образовании 273-ФЗ.

Тогда понятно, что учреждения, школы (мы не будем сейчас брать другие учреждения) должны финансироваться определенным образом.

Если не брать казенные учреждения, например, школы для детей с особыми потребностями, которых мы привыкли называть инвалидами, то в основном школы бюджетные и автономные финансируются по нормативно-

душевому методу, это признано абсолютно правильным, все к этому привыкли.

Мы можем говорить о многоканальном финансировании: это субсидия на выполнение госзадания, которое покрывает ФГОС, это могут быть целевые субсидии, средства от деятельности, приносящей доход.

Я сейчас не беру частные школы, которые в последнее время пополнились учениками за счет государственных школ, потому как они все-таки более гибкие, у них меньше избыточных разных задач.

Очень хорошо, что у них тоже есть бюджетная субсидия на выполнение госзадания.

Но мифов вокруг нормативно-подушевого финансирования очень много.

Я напомню, что оно было изобретено и применено в англосаксонских странах, прежде всего в США, только это было 40 лет назад.

Сейчас многие страны отказываются от 100%-ного нормативно-подушевого финансирования госзадания, переходят к варианту 50/50, когда по ученикам дается базовый бюджет, а остальное – это те программы, которые реализует школа.

Если мы посмотрим на практику, любая инновационная программа финансово избыточна.

Миф первый. Нормативно-подушевое финансирование предполагает равенство возможностей детей независимо от региона.

Это неправда.

Сегодня мой уважаемый коллега Сергей Геннадьевич Косарецкий показал, что у нас с регионами происходит. Я думаю, тут можно никого уже ни в чем не убеждать.

Даже в Москве, которая предлагает нам высший норматив, царит второй миф, что борьба за ученика – это хорошо.

Конечно, хорошо, что мы не выгоняем детей просто так, но понятно, что ученик, который проживает в районе с одной школой, и ученик, который проживает в районе, где три школы, у него выбор больше, а у школы меньше.

Таким образом, многие школы, которые предлагают достаточно высокий уровень образования, но находятся по соседству и борются за один и тот же контингент, в результате попадают «в минус».

На сегодня даже в Москве немало школ, которые находятся на грани дефицита.

При этом нельзя не отметить, что Департамент образования и науки пытается создавать различные амортизационные механизмы.

Нормативно-подушевое финансирование – это оптимизация расходов, с одной стороны.

Но с другой стороны, понятно, если школе не хватает средств, она будет либо сокращать программы, либо искать где-то деньги, – скорее всего, будет сокращать бесплатные программы.

Например, вместо индивидуальных учебных планов будут вводиться профильные классы.

Миф четвертый. Предпринимательская деятельность школы – это дополнительная гарантия финансовой устойчивости.

Ничего подобного.

Пандемия и снижение покупательной способности населения привели к тому, что практически ни одна московская школа не смогла в этой сфере вернуться к показателям 2019 года.

Новая система оплаты труда, которая была введена еще в 2010 году, предполагает достойную зарплату педагогов и других сотрудников школы.

Да, власти к этому стремятся, ставятся различные минимумы, ниже которых нельзя платить, но все это реализуется через повышение нагрузки, о чем тоже говорил Сергей Геннадьевич Косарецкий.

В конечном счете мы упираемся в норматив, а он отстает от инфляции.

Таким образом, образуется этот самый дефицит, с ним приходится постоянно бороться.

С другой стороны, если говорить еще об одной угрозе, это не только зарплата.

Что такое деньги?

Понятно, что многие школы недостаточно оборудованы, и это притом, что сегодня есть масса возможностей для того, чтобы дети пользовались современными средствами обучения.

А это не только компьютерные средства, это совершенно другой дизайн кабинетов.

Новостройки во многих городах страны, в Москве, в частности, уже это учитывают.

Но не будем забывать, что только в Москве до 70% школьных зданий построены 50–60 лет назад, в крайнем случае 40 лет, это «самолетки».

Понятно, что образовательную среду переделывать в этих зданиях можно, но для этого тоже требуются серьезные средства.

Это серьезная проблема, она в значительной степени решается за счет внеурочных занятий во внешкольных учреждениях, таких как технопарки, музеи, куда открыт доступ детям.

Это очень хорошо, но понятно, что не каждый ребенок, не каждая школа может себе позволить возить

детей на такие занятия, хотя само по себе это очень важно и это очень серьезное достижение последних лет в Москве.

Дальше немного об организации.

Здесь понятно, кадры, если мы не будем платить нормальные зарплаты, а в регионах они крайне низкие.

В Москве они достигли 120 000 рублей в месяц. Это, конечно, очень хорошо.

Понятно, что инфляция никуда не девается, нагрузка учителей возрастает.

Как ни странно, была такая иллюзия, что цифровизация приведет к сокращению трудозатрат.

Ничего подобного.

Как раз наоборот, сегодня учителю приходится работать в рамках Московской электронной школы с достаточно большим количеством разного рода таблиц, показателей, заниматься прикреплением домашнего задания, планированием, которое может в значительной степени меняться по различным причинам.

Если сравнивать труд учителя в 80-е годы и сегодня, то я думаю, что сегодня учитель намного больше загружен, чем это было в докомпьютерную эпоху.

Следовательно, зарплату учитель получает в значительной степени за счет увеличения нагрузки не только педагогической, но и организационной, а не за счет ее роста.

В связи с этим нельзя не сказать о том, что унификация и централизация, то есть тренд, в котором мы находимся, мешает школам обеспечивать индивидуальный подход к детям.

В школах есть психологические службы, социальные педагоги, даже тьюторы, хотя мало кто тьюторов себе может позволить.

Можете поверить, любая нормальная вменяемая школа сегодня старается увидеть заблаговременно те риски, которые тот или иной ребенок или группа детей несут с собой в школу.

Конечно, очень многое зависит от взаимодействия с семьей, но некоторые опасные сюжеты, которые мы часто не замечаем, могут принести нам очень серьезные проблемы в дальнейшем.

Если все-таки говорить о неких моделях, то сегодня в крупных городах существует две модели государственных школ: образовательные комплексы и образовательные бутики.

Если говорить об образовательных комплексах, то это воспроизводство типично индустриальной системы образования, индустриальной модели, которая была характерна больше для XX века, а не для информационного общества.

Образовательные бутики, если они существуют, то это, как правило, школы с серьезной системой отбора учащихся, они действительно очень успешны, они небольшие, они выигрывают очень много олимпиад, конкурсов и так далее.

Хотя понятие «услуги» отменено министром просвещения, но никто среди родителей этого не отменил, так вот – по предоставляемым услугам они близки к школам негосударственным.

Негосударственных школ в Москве меньше, чем в Сингапуре, как и доля их в России, тем более в регионах.

Но понятно, что очень многие частные школы сегодня работают в серьезных международных программах.

Судя по тем результатам, которые наши дети в государственных и негосударственных школах показывают, сдавая экзамены Международного бакалавриата, заканчивая программу основной школы, – все

это доказывает, что такие школы вполне конкурентоспособны.

Надеюсь, наши школы, как и образование в целом, все-таки останутся органичной частью мирового образовательного сообщества.

Спасибо.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Михаил Яковлевич.

Теперь давайте вопросы, в первую очередь Михаилу Яковлевичу и двум предыдущим докладчикам.

Я хочу поблагодарить за столь содержательные доклады и такой очень комплексный взгляд на проблемы образования.

Последний доклад как раз подчеркивает видение человека, который непосредственно находится, так же как и первый докладчик, в самом процессе обучения и образования.

Я говорил, некоторые коллеги, в частности, Юлия Борисовна, скромно только в чате вопросы задает.

Не стесняйтесь, задавайте их вслух. Лучше воспринимается вопрос, когда он вживую сформулирован, а не письменно.

Кроме вопросов и комментарии.

Все докладчики смотрят в чате вопросы, адресованные им, чтобы уже были готовы к ответам.

Прошу вас, коллеги, не скромничайте.

Гагик Тигранович, ты, наверное, как-то включился, «открыл личико», хотел сказать, что я сегодня нарушил принцип, мы не выпили за докладчиков, ни с добрым утром, ни за женщин.

Сегодня объявили день трезвости, но это неправильно, почему-то скромничают все участники нашего совещания.

Осталось нам, чтобы уложиться в регламент, 15 минут, но мы иногда за регламент имеем право выходить.

Давайте всех докладчиков поблагодарим, спасибо всем вам!

С добрым утром заодно, чтобы дважды не вставать, давайте за женщин выпьем, потому что они у нас всегда принимают активное участие.

Все три тоста я объединяю. Гагик Тигранович включился, потом отключился, из-за того, что традиция нарушена, решил уйти в тень.

Все, не только докладчики, будьте здоровы.

Юлия Борисовна, Вы имели массу вопросов в чате, задайте их.

Епихина Ю.Б.: У меня был вопрос по докладу Сергея Геннадьевича, по слайду, на котором представлена средняя нагрузка учителей, она выглядит достаточно оптимистично.

В связи с этим возник вопрос: какая именно нагрузка учитывалась?

Это была только аудиторная нагрузка?

Производился ли учет внеаудиторной нагрузки: проверка тетрадей, общение с родителями, выполнение бюрократических процедур?

Мы знаем, что у школьных учителей сейчас она возросла, в связи с цифровизацией в том числе.

Что на самом деле вкладывалось в понятие нагрузки учителей, потому что она практически не выходит за 30 часов?

Второй вопрос касался рассказа Александра Владимировича о ситуации, когда ученице с психологическими проблемами было разрешено в индивидуальном порядке делать то, что под страхом наказания штрафом в 500 долларов запрещено всем остальным: это носить телефон, слушать музыку.

Была ли проведена какая-то работа с остальными учениками, потому что, на самом деле, если школа небольшая, то у остальных учеников могли возникнуть вопросы, почему им штраф 500 долларов, а вот для этой ученицы сделано исключение?

Это вопрос об универсальной норме как отличительной особенности социального института, об отклонениях от нормы, которые нуждаются в объяснениях для всех остальных.

Косарецкий С.Г.: Давайте я отвечу на вопрос про нагрузку.

В данном случае учитывалась именно аудиторная нагрузка, в этом плане она выглядит довольно существенной.

Если добавлять сюда проверку тетрадей, выполнение всякого рода административных функций, взаимодействие с родителями, то это примерно еще 60–70% времени, которое тратит педагог.

Напомню, что ставка педагога составляет 18 часов, в этом смысле сегодня педагог работает в среднем фактически за 1,5–1,6 ставки. Это, наверное, войдет в историю российских реформ – ярких манипуляций: в указе 2012 года обещали среднюю заработную плату учителя уравнивать со средней по экономике, но не сказали за что.

Вместо оплаты за тот объем времени, который работал до этого указа, педагог теперь получает эту близкую к средней по экономике за работу практически на 70% больше.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Кузнецов А.В.: Гарегин Ашотович, тут Алла Алексеевна написала.

Тосунян Г.А.: Абсолютно права Алла Алексеевна, это моя недоработка: за женщин нужно пить отдельно, более того, за каждую женщину нужно пить отдельно.

С учетом того, что можем не уложиться, вы уж извините, я позволяю себе иногда расслабиться в столь серьезном вопросе, когда мои коллеги Гагик Тигранович, Ян Дмитрий, мне это позволяют.

Так что вы правы, давайте за всех женщин вместе выпьем, а потом после заседания – за каждую в отдельности.

Будьте здоровы, дорогие, любимые женщины во главе с нашими женами!

Вы действительно придаете очень серьезное богатство нашему обсуждению, хотя я категорический противник каких-то гендерных разграничений, равно как и социальных, равно как и национальных.

Но в этом смысле ваше отличие и ваше преимущество никем из нас не оспаривается.

Вы добавляете душевность, нас заставляете держать себя в режиме высокой ответственности.

Так что всем вам здоровья, всем вам удачи, чтобы вас в нашей аудитории всегда было как можно больше.

Мы вас с удовольствием слушаем.

Шептун А.А.: Благодарю, Гарегин Ашотович, спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Александр Владимирович, Вы хотели ответить.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН

Замечательные доклады, мне хотелось бы всех поблагодарить, участников обсуждения тоже.

У меня возникли три вопроса, на которые хотелось бы получить ответы.

Они скорее носят касательный, хотя и фундаментальный характер.

Первый вопрос, который мы не обсуждали, но который тоже должен быть обсужден, наверное, решение какое-то должно быть для него найдено, состоит в том, как учитывать биологические различия, как относиться к IQ.

IQ у нас в стране снижается сейчас по всем исследованиям.

По уровню способностей, дарований, талантливости дети различаются.

Мы это видели на графиках, которые нам были показаны.

20% наших учащихся просто не в состоянии овладеть даже упрощающейся школьной программой.

Если это так, то что с ними делать?

Если они присутствуют в обычной школе, то они, как правило, тянут класс вниз, они понижают уровень образования, они формируют клики, которые терроризируют отличников, мешают остальным продвигаться по образовательной программе.

Одним словом, эта проблема биологии, биологическая проблема, проблема дарований присутствует как социальная проблема в системе образования.

И она не вполне адекватно решается не только у нас, но и в других странах.

В Советском Союзе была какая-то попытка ее решить, потому что те, кто не успевал по программе, выводились в профессионально-технические учебные заведения, где они овладевали такими профессиями, которые позволяли им реализовать себя в той области, в которой они могли это сделать.

Сейчас я не знаю, в какой степени школа действительно готова принять этих людей и дифференцировать их именно по этому признаку.

Второй вопрос, тоже очень важный и фундаментальный, – это вопрос государственного общественного целеполагания.

Вообще говоря, система образования не существует в вакууме, это социальный государственный институт, и это необходимо учитывать.

Нормы образования, его целеполагание задаются государством и обществом одновременно.

Что касается общества, то здесь все понятно: общество нацеливается на то, чтобы воспроизводить социальную структуру, средний класс стремится передать следующему поколению образование как можно более высокое и тем самым помочь им воспроизвести или даже улучшить социальные позиции по отношению к поколению родителей.

В иных классах ставятся более приземленные цели: овладеть ремеслом, продвинуться в нем, обеспечивая следующему поколению приемлемые условия жизни.

В чем состоит государственное целеполагание?

Именно в этом аспекте пока нет полной ясности.

Эта ясность и не появится, если не иметь образа будущего.

Что мы создаем, что строим?

Если мы строим технологическое общество, тогда необходимо вкладываться в человеческие ресурсы, которые эту задачу способны решать.

Если наша цель – общество, которое качает нефть и газ, тогда нам не нужны инженеры. Где они будут работать?

Если мы хотим, чтобы наше общество было глобализованным, то есть вписанным в глобальную экономику хотя бы на правах младшего партнера, как это было до сих пор, то это одна система образования.

Если мы хотим, чтобы наше общество лидировало, чтобы страна лидировала в каких-то областях, нужна иная система образования, связанная кровеносными сосудами с экономикой.

Я хочу напомнить, что совсем недавно примерно половину выпускников высших учебных заведений в России составляли юристы и экономисты.

Что это говорит о нашем обществе, что это говорит о том, как мы видим наши общественные перспективы?

Это вопрос, на который надо отвечать.

Я понимаю, что люди, которые занимаются образованием, на этот вопрос ответить не могут, на этот вопрос должны отвечать политики и гражданское общество – все вместе.

Ясно одно: система образования не может существовать в вакууме, в отрыве от того, как ставятся цели и какие средства планируется использовать для их достижения.

Третий вопрос, который Михаил Яковлевич затронул в самом конце, касается морально-нравственного воспитания – ориентация на сотрудничество, которое в их школе культивируют, но я не уверен, что все эти ценности одинаково культивируются во всех школах.

То, что я вижу, меня это удручает – это повышенный уровень агрессии, разнузданная матерщина.

Идут шестиклассники по улице и используют такой лексикон, которого от прораба на стройке не услышишь, даже прорабы так в настоящее время не разговаривают.

А уж как разговаривают восьмиклассники и девятиклассники, причем девочки, об этом вообще лучше не говорить.

Как раньше осуществлялось морально-нравственное воспитание, как внедрялись в сознание определенные ценности?

Конечно, не путем прямого внушения, а через гуманитарные дисциплины, через их культивирование, через классическую литературу, через историю, через философию.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, может быть, для этого требуется отдельное обсуждение.

Кстати, Михаил Федорович, если Вы захотите принять участие, я сказал, что на одном из ближайших заседаний будет выступать академик Ушаков.

Может быть, тогда в качестве постановки вопроса и его раскрытия, потому что в Вашей постановке есть и видение, и содержание.

Это очень перекликается с тем, что обсуждалось, но это уводит нас еще глубже в такую сложную междисциплинарную тему, в том числе с учетом политики, с учетом психологии.

Действительно, тема эмпатии одна из ключевых, потому что человек, обладающий эмпатией, он себя ведет совершенно иначе, чем тот, который ее абсолютно лишен.

У многих наших политиков и управленцев это чувство, боюсь, отсутствует. В противном случае они чаще входили бы в положение участников рынка, который регулируют.

Я уже не говорю о других сферах управления обществом, о высоких материях уровня жизни людей и их социального обеспечения.

Павел Алексеевич поднял руку. Потом, Михаил Яковлевич, Вам слово.

*проф. МЕДВЕДЕВ П.А., чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.,
ШНЕЙДЕР М.Я.*

Медведев П.А.: Михаил Федорович, Вы в своей речи много раз повторяли «мы».

Мы – это кто? Спасибо.

Черныш М.Ф.: Смотря в каком контексте я это говорил.

Медведев П.А.: В Вашем контексте, именно в Вашем.

Черныш М.Ф.: В моем контексте «мы» – это страна, общество, это первое.

Мы – совокупность ученых, как сообщество ученых, которые призваны обсуждать такие важные вопросы.

Медведев П.А.: Мы – ученые – должны стране и всем остальным – не ученым – поставить цель, которой они должны достигнуть, я правильно Вас понял?

Черныш М.Ф.: Именно так, потому что откуда будет исходить целеполагание?

Конечно, из научного сообщества в том числе, другого варианта нет.

Тосунян Г.А.: Павел Алексеевич, у Вас против этого что-то есть?

Вы на редкость очень агрессивно задали вопрос, для Вас это не характерно!

Медведев П.А.: Не агрессивно, Гарегин Ашотович, а бестолково.

Я много раз извинялся перед сообществом за то, что многого не понимаю.

Я такой постановки вопроса тоже не понимаю.

Тосунян Г.А.: У всех у нас есть проблемы, Павел Алексеевич.

Михаил Федорович исчерпывающе ответил, тем более он возглавляет Федеральный научно- исследовательский социологический центр РАН, он имеет право в том числе говорить от имени коллективного мнения социологов.

Михаил Яковлевич, Вам слово.

Шнейдер М.Я.: По вопросам, которые Михаил Федорович поднимал, насчет того, что 20%, наверное, по разным причинам учиться не могут.

Они не то что не могут учиться – они не могут учиться в том темпе и на том уровне, который задан в массовой школе.

Это не только те, у кого проблемы с IQ, это еще и с СДВГ, очень модный ныне диагноз – это синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Эти дети, кстати, как правило, с очень высоким IQ, но доставляют очень много всяких проблем, приносят с собой в класс.

Как школа с этим работает?

Вообще школа с этим может работать даже в нынешнем состоянии, поскольку, если учителя владеют современными технологиями педагогическими, понимают, что работать можно не только фронтально, но это и работа в группах, это перенос акцента в урочной деятельности на активность самих детей, где учитель до некоторой степени наблюдатель, он ориентирует детей, он помогает им.

Но от лекции, как совершенно справедливо Александр Владимирович сегодня говорил, надо уходить, это абсолютно непродуктивно.

Да, конечно, нужны более мощные социально-психологические службы.

В крупных городах в школах они есть, в некоторых городах инновационных такие службы тоже есть, но далеко не везде.

Реальных нормативных возможностей таких детей куда-то отсаживать мы не имеем, это было бы со всех сторон неправильно.

Если мы говорим все-таки о коррекционных школах, то они существуют, это уже совсем другие дела.

Относительно цели.

Несмотря на то, что, может быть, нам кажется, что это не так, все-таки, как показывают в том числе социологические опросы, у нас народ научился за многие столетия общения с государством все-таки каким-то образом выживать, как это ни странно.

Сегодня, ставя задачи и цели свои семейные, люди совершенно не интересуются, что по этому поводу думает государство.

Сегодня основная задача выпускника и его семьи – это хорошо сдать ЕГЭ и поступить в университет.

Это не только в Москве, это везде, и понятно почему. Не только потому, что это социальный лифт, но сегодня это еще и вопрос будущей безопасности в значительной степени.

Когда семья выбирает образовательную стратегию, она этим руководствуется. У кого-то, конечно, есть сны о чем-то большем.

Я бы, правда, не абсолютизировал роль научного и педагогического сообщества в определении цели, потому что нас не так много, как кажется.

Те, кто не удовлетворен, например, системой государственного образования, идет в частные школы.

Если нет средств на то, чтобы учиться в частной школе, идут на семейное образование. Просто сами обеспечивают тот набор предметов, форматов, которые семье кажутся правильными.

Очень хорошо, что в законе такая возможность существует.

Я думаю, что вот эти цели больше сегодня все-таки ставит семья; мы знаем, какие цели сегодня ставит государство.

Наконец, о нравственном воспитании.

Для того чтобы можно было кого-то нравственно воспитывать, надо как-то согласовать в обществе, что мы считаем ценностями.

Сегодня мы понимаем прекрасно, что так или иначе в стране есть некоторый раскол, то есть можно говорить о большинстве и меньшинстве.

События последнего полугодия показали, что такого единства нет.

Мне кажется, что школа сегодня, создавая благоприятные условия для развития любого ребенка, должна вместе с тем учитывать, с чем он приходит из семьи, потому что семья в значительной степени играет определяющую роль в этом.

Отсюда очень важно, чтобы, не вдаваясь в политические разбирательства, в школе создавались механизмы взаимодействия и совместной деятельности не только с детьми, но и с родителями. Это благотворительность, волонтерство, искусство и так далее.

В том, что у нас гуманитарные предметы плохо преподаются, я не совсем уверен.

Но то, что региональные руководители многие считают, что сегодня важно изучать прежде всего предметы цикла технического, а гуманитарные подождут, это правда.

Это очень плохо.

Надеюсь, что спустя короткий период времени мы все-таки поймем, что если в школе нет такого предмета, как мировая художественная культура, или если на литературу и историю отводятся какие-то последние часы, то с физикой будет плохо.

Напомню, что наши крупные ученые-естественники отличались тем, что они намного лучше разбирались в искусстве и литературе, чем гуманитарии – в физике и в химии, биологии.

Институт физических проблем в Москве был в советское время центром гуманитарного общения.

Так что будем оптимистами. Спасибо.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад., д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН

Нигматулин Р.И.: Во-первых, уважаемые коллеги, мне было очень интересно слушать выступления.

Тосуния Г.А.: Академик Нигматулин Роберт Искандерович.

Нигматулин Р.И.: Я полностью разделяю все высказывания, которые были сделаны нашими докладчиками, очень этому порадовался.

Я несколько слов скажу, опираясь на следующие факты.

Во-первых, конечно, на свое школьное образование. Также на образование, которое получил на рабфаке мой отец, приехав из деревни в Москву.

Потом уже он стал профессором.

Мой учитель тоже приехал из среднеазиатской школы и стал в Московском университете академиком и так далее.

Потом мои дети и внуки, внучки, которые сейчас у меня учатся в школе.

Я бы хотел сформулировать, для чего нужно образование, – слишком примитивно, но все-таки!

Первое.

Чтобы были крепкие мозги, причем мозги в разных направлениях.

Я знаю школьное образование в США, так как моя дочь получила его в Америке.

Вот в Америке совершенно неверная философия в обществе: зачем учить синусы и тангенсы школьнику, если он будет таксистом?

Я бы сказал, что синусы и тангенсы должны учить все.

Это не значит, что я потом буду каждый день вычислять синусы и косинусы. Даже я, математик, не делают этого каждый день.

Синусы и тангенсы нужны, чтобы были крепкие мозги, так же как для того, чтобы играть в футбол, нужно заниматься и гимнастикой, и легкой атлетикой. Это чрезвычайно важно.

Второе.

Оно должно быть и гуманитарным.

Когда я учился в школе, я в гуманитарной сфере отставал, мне было тяжело сидеть на уроках литературы и так далее.

Но потом, уже много лет спустя я как человек сформировался на русской литературе, на тех текстах, которые мы учили наизусть, на Пушкине, на Толстом.

И значение этого я понял гораздо позднее. Хотя когда я учился в школе, я страдал на уроках литературы.

Третье.

Очень важно развивать память, в том числе и механическую. Не только алгоритмическую и логическую, но и механическую: учить тексты, учить стихи, много учить.

Потому что интеллект – это не только алгоритмы, интеллект – это и память.

Сейчас, к сожалению, школьники не учат текстов, механическая память не развивается.

Еще одно обстоятельство: образование должно быть трудным; если оно легко, значит, программа облегчена.

Необходимо научить преодолевать трудности по всем направлениям, для этого нужно сдавать экзамены каждый год.

Подготовка к экзаменам сформировала мое образование.

Экзамены мы сдавали очень серьезно, потому что сдаешь экзамены не только своему учителю, например, учителю химии, но и учителю химии соседнего класса, завучу и представителю РОНО.

Сейчас говорят, что экзамены не нужны, потому что дети нервничают.

А надо учиться преодолевать нервные напряжения, потому что жизнь вся нервная.

Сейчас привычно ругают ЕГЭ.

Я не противник ЕГЭ, я противник того, что значимость аттестата зрелости упала.

Главным документом о среднем образовании должен быть аттестат зрелости, а ЕГЭ должен помочь отобрать детей в вузы, чтобы по относительно простым вопросам разобраться в значимости оценок разных школ.

В Америке 95% американских детей не получают нормального (привычного для нас, учившихся в советских школах) школьного образования.

Но Америка дает возможность талантливым и стремящимся хорошо учиться получить высшее образование высшего класса.

Но учить надо всех, и ЕГЭ характеризует минимум знаний по предмету. ЕГЭ нужно, чтобы разобраться в значимости оценок аттестата зрелости разных школ.

ЕГЭ пусть остается, это какой-то общий знаменатель, который сравнивает ЕГЭ с твоим аттестатом зрелости.

Аттестат зрелости у тебя может быть отличный, а ЕГЭ низкий, это тоже возможно. От ЕГЭ отказываться не нужно, но не нужно его абсолютизировать.

Еще одно обстоятельство, которое не осознается русскими.

У нас в связи с введением ЕГЭ в Башкортостане, Татарстане и других республиках, закрываются национальные школы.

Татары, башкиры и другие народы не получают школьного образования на своем национальном языке.

Я неоднократно беседовал с руководителями Башкирии, Татарстана, говорил, что для тех, кто заканчивает национальные школы, надо дать возможность сдавать двуязычные ЕГЭ: русско-татарский, русско-чувацкий, русско-башкирский.

Тогда вот это будет выравниваться, потому что многоязычие у нас – это богатство нашей страны.

Я даже заметил, работая в Башкирии, – я, московский парень, получил образование в школе № 57 знаменитой в центре Москвы.

Работая в Башкирии, я обратил внимание: особые экстремисты – это те, кто не владеет своим национальным языком. Они обвиняют в этом русский народ, хотя, конечно, вина в этом в первую очередь семьи.

Нужно способствовать введению таких разнообразных ЕГЭ, чтобы национальные школы жили, чтобы учителя национальных школ были заняты.

А сейчас они почти все потеряли работу, все уходят из национальных школ.

Это беда, это удар по всей нашей вообще российской цивилизации.

Я заметил, что те, кто учились в национальных (двуязычных) школах, в 17 лет уступают в знании русского языка, но к 30 годам их русский язык становится лучше, чем у русских.

Владение двумя языками вместе с иностранным языком делает человека более развитым и более творческим.

В этом году у нас на президиуме обсуждался вопрос о межэтнических проблемах в нашей стране.

Выступил и один из руководителей Администрации Президента, курирующий межэтнические отношения.

Он, выходец из Дагестана, с гордостью сказал, что его дети и внуки говорят только на русском языке и своего родного языка не знают.

Я тогда выступил и сказал, что мы дожили до такой жизни, что человек не стесняется сказать, что его дети и внуки не знают своего родного языка.

Это очень плохо, это не значит, что мы единство своей страны укрепляем, наоборот, мы его разрушаем, потому что единство в разнообразии, а не в унификации и примитивизации.

Разнообразие языков и культур – это богатство.

Даже во времена Сталина национальные школы в республиках работали гораздо сильнее, чем сейчас в нашем демократическом сообществе.

В заключение я хочу сказать, что у нас единые взгляды на образование. Это единство нашего народа, нашей интеллигенции. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Роберт Искандерович! А теперь слово Андрею Клепачу.

КЛЕПАЧ А.Н.

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

Добрый день! Еще раз огромная благодарность. Очень глубокое обсуждение, хочется осмыслить.

Я, может быть, один бы добавил аспект, который есть в России, потому что есть такого рода эксперименты: Святово в Ярославской области, Мостовский район в Краснодарском крае в предгорьях Кавказа.

Школа – это же не просто школа, это все-таки часть того огромного микрокосмоса, которым живет деревня, поселок, район.

Вопрос статуса учителя, которого раньше в деревне уважали очень сильно, как и врача.

Школы – это некоторый центр микрокосмоса, как где-то храм для верующих, для всей деревни, для всего строя жизни.

Есть интересный опыт в России – создание или преобразование деревни в новое поселение, где есть школа, обычно с особыми методами подготовки.

Где есть такой микромир, где школьники и преподаватели не только учатся, но возникает некоторая совместная жизнь, включая работу в поле, на конюшне.

Это другой уклад жизни в целом.

Поэтому есть еще грань, связанная не только с сознанием, не только с какими-то ценностными воспитаниями людей в семье, в школе, но и с тем, как через школу как такое сообщество меняется сам образ этой общины, микрокосмоса.

Просто хотел обозначить эту проблему. Может быть, ее тоже когда-то надо будет в наших обсуждениях затронуть. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Андрей Николаевич сегодня представляет ВЭБ, но вы его все знаете как очень известного эксперта, экономиста, представителя экономического блока, в том числе работавшего в Правительстве.

Я представляю некоторых коллег, чтобы Сергей Геннадьевич понимал, насколько широкий спектр у нас представительства.

Тигран Саркисян просит слово.

Тигран Суренович ранее возглавлял ЕврАзЭС, был премьер-министром Армении, до этого – председателем ЦБ Армении.

САРКИСЯН Т.С.

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

Спасибо большое, я постараюсь очень кратко.

На чем бы я хотел акцентировать внимание.

Мы живем в быстро меняющемся мире, скорости изменений приобретают фантастическое воздействие, скорости изменений оказывают влияние на общественные отношения, на воспитание детей.

Система образования должна обязательно учитывать тот фактор, что наши дети будут жить в быстро меняющемся мире.

С этой точки зрения здесь важно не только то, чтобы система образования давала знания нашим детям, а прежде всего прививала им навыки самостоятельно обновлять свои знания.

Приоритет в системе образования должен быть перестроен на решение этой глобальной задачи, потому что новый мир, быстро меняющийся мир, предполагает, что мы все с вами должны учиться всю жизнь.

Навыки самостоятельного обучения, самостоятельной возможности получать новые знания имеют принципиальное значение, система образования должна этот фактор учитывать.

Исходя из этого очень важное значение имеют учебники, особенно по гуманитарным наукам.

Как излагаются эти знания?

Если нет проблематизации, а просто мы заставляем, чтобы дети выучили наизусть, скажем, исторический факт – когда, что произошло и так далее, то этого недостаточно.

Надо переосмыслить содержание всех учебников.

В частности, я могу привести в качестве примера очень известную книгу Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира».

Даже в современной Европе, скажем, в Германии, в Италии, во Франции, история Второй мировой войны в учебниках в школе преподается по-разному, детям дается разное представление о том, что же происходило на самом деле во время Второй мировой войны.

Здесь принципиально важное значение имеет, как мы должны учить наших детей, в том числе вот этим гуманитарным наукам, когда жизнь будет заставлять их каждый день проблематизировать ситуацию, делать рефлекссию, понимать, что же на самом деле происходит.

Вопрос учебников, особенно в гуманитарных науках, приобретает первостепенное значение, надо переосмыслить эту проблему тоже. Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Тигран Суренович.

Коллеги, Александр Владимирович, прошу Вас, как докладчика, подвести итоги.

к. э. н. КУЗНЕЦОВ А.В., *акад.* НИГМАТУЛИН Р.И.,
к. э. н. КЛЕПАЧ А.Н.

Кузнецов А.В.: Я бегло отвечу на такой частный вопрос, а потом важный вопрос раскрою.

Частный вопрос был – какие из факторов и методов, о которых я рассказывал, можно применять в массовой школе?

Это очень важный вопрос.

Я сейчас еще раз внимательно просмотрел, вижу, что все их можно применять, за исключением индивидуального дифференцированного обучения, потому что для этого метода класс должен быть маленьким.

Самый важный вопрос. Я больше 15 лет занимался вопросом, который в английской культуре называется parenting, это вопрос воспитания, как воспитать достойного человека.

Могу с уверенностью утверждать, что есть единственный способ – это личный пример.

Если мы сейчас посмотрим на демографическую статистику в России, то мы увидим, что в 50% семей воспитывает ребенка одна мама, то есть половина детей у нас из неполных семей.

В этой ситуации, например, мальчику с кого брать пример?

Очень хорошо известно, что с 7 лет папа для мальчика становится богом, а если папы нет, то это какой-то старший товарищ или учитель, тренер.

Поскольку мы сегодня говорим об учителях, то по этой статистике мы видим, какое значение имеет личность учителя для воспитания ребенка.

Мы говорили, что зачастую девочки идут по улице и матерятся и так далее.

Все это из-за отсутствия вот этого мощного фактора – личного примера достойного человека, которого ребенок уважает и любит.

Это нас приводит к очень простому выводу, что нам надо задаться вопросом, как обеспечить, чтобы наши учителя были теми самыми личностями, которые способны оказывать такой пример.

Как это будет ни прагматично, но зарплата учителя в этом вопросе играет огромную роль.

Я слушал всех докладчиков и все больше и больше прихожу к уверенности, что это надо делать.

У нас есть ресурсы в российском бюджете, которые позволят существенно поднять зарплаты.

Это решит проблему Брянска, который прозвучал в чате, где не могут набрать учителей, потому что никто не хочет идти.

Сейчас эта проблема стоит по всему миру, но, если мы посмотрим на соотношение и на статистику, которую показывал Сергей Геннадьевич, увидим, что мы на последних местах. Какова личность вот этого среднестатистического учителя в школах?

Поэтому мы, ученые, политические деятели, предприниматели, должны ставить этот вопрос перед обществом, задавать вопрос конкретно Правительству, чтобы частью нашей национальной идеи стало повышение статуса учителя.

Я учился в медицинской академии, мои профессора все время говорили: врач себя всегда прокормит. А вот учитель – непонятно.

Если мы понимаем, что роль учителя в том, чтобы воспитать новую нацию, новое поколение, огромна, то нам нужно понять, как обеспечить, чтобы лучшие умы, лучшие представители нашего общества учили наших детей.

Нигматулин Р.И.: Абсолютно верно. Средства в стране для этого есть, воли у руководства страны нет, понимания нет.

Кузнецов А.В.: Давайте сделаем национальной идеей. Пусть это будет как в Финляндии, где стать учителем очень трудно и очень престижно.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Клепач А.Н.: У нас образование как приоритет, оно декларировалось все последние 14 лет; более того, там были разные инициативы.

Другое дело, что по факту финансирование относительно ВВП в реальном выражении снижалось, огромнейшая региональная дифференциация по заработной плате, о чем коллеги здесь говорили, это же обсуждалось многократно, только никаких подвижек.

Более того, это обсуждается экспертами, а Минпросвещения этот вопрос боится ставить.

Идет показуха, я уже об этом не говорю.

Здесь есть вопрос определенных общих ценностей в образовании, но должно быть и многообразие, должна быть дискуссия.

Все исчезло или почти исчезло.

Может быть, действительно, когда готовятся сборники материалов наших заседаний, уже сложилась эта практика, нам удастся отразить и донести до властей сегодняшнюю дискуссию.

Потому что очень много содержательного было высказано по теме образования, что не уложилось в слайды.

Надо стучаться. Даже сейчас, в рамках призыва.

В советское время, даже во время войны, учителей пытались определенное время не призывать, они сами шли.

Сейчас этот вопрос не урегулирован.

Декларации у нас есть на все случаи жизни, весь вопрос – что по факту. Извиняюсь.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН

Гарегин Ашотович, Лиз Трасс, премьер-министр Великобритании, слетела со своей должности за то, что она понизила налоговую ставку с той части доходов, которые превышают 150 000 фунтов стерлингов в год.

Было 45%, а она сделала 40%.

Тут же бюджет пострадал, и она тут же слетела.

А у нас 13%, ну 15% с самых богатых.

Когда ставится вопрос, что нужно бюджет увеличить за счет налогов с супербогатых, сами министры, которые супербогатые, говорят, что это нецелесообразно.

Вот такая страна, вот такой наш народ, который все это терпит, по заслугам получает, потому что терпит.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, завершаем.

Если кто-то из докладчиков еще хочет заключительное слово сказать, то буквально пару минут я дам. Михаил Яковлевич, Вы хотите?

ШНЕЙДЕР М.Я.

Коллеги, прежде всего большое спасибо.

Я бы очень хотел, когда мы собираемся на различные совещания, а их у нас очень много бывает, чтобы хотя бы вполчину там был такой уровень обсуждения, как сегодня.

Выход из этого только один: пожалуйста, приходите в школы, уже достаточно много ученых приходит, это наши выпускники, которые работают в различных институтах, в том числе академических. Они выбирают время, приходят, но этого совершенно недостаточно.

Детям нужно общаться с умными людьми. Я не говорю, что учителя сплошь с ними общаются неумные, просто учитель рано или поздно все равно им надоедает.

Когда приходят люди со свежими идеями, это не просто, как сейчас у нас говорят, «успешные» – любимое слово многих наших сегодняшних руководителей образовательных.

Успешный – кто такой успешный, что такое успешный? Толком никто не знает, но все хотят быть успешными.

Мне кажется, что как раз проект, который был 15–20 лет назад с Академией наук, у нашей школы в частности, когда приходили академики, доктора наук, с некоторыми академическими институтами мы общались и сейчас продолжаем с некоторыми общаться, вот это тот ресурс, который совершенно в школах недооценен.

Конечно, у нас очень много успешных бизнесменов, которые могут прийти и рассказать про предпринимательство.

Но в нашей стране с предпринимательством неплохо, у нас очень много людей, которые умеют это делать, особенно когда им не мешают.

А вот как раз то, что говорится про повышение коллективного IQ, я бы на это обратил внимание. Мы бы с удовольствием и мои коллеги в школах организовали бы такие встречи с детьми.

Я вас уверяю, что это будет очень интересно.

В рамках некоторых городских проектов общаемся с профессионалами, в основном это всё технические науки, это очень важно.

Не менее важно, когда речь идет об общечеловеческих проблемах.

Еще раз большое спасибо, я получил огромное удовольствие.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кстати, я могу похвастаться, что вне всяких проектов просто периодически приходил в разные школы и вузы.

Правда, 2–3 года не был из-за пандемии. Но я приходил, просто договаривался, в том числе со школой, где мои дети учатся, или с другой школой в центре Москвы, которая не имела отношения к моим детям.

Но я приходил с удовольствием без всяких проектов, без всяких соглашений.

Так что приглашайте, тем более будем приходить.

Будем завершать?

КУЗНЕЦОВ А.В.

К. Э. Н.

Буквально 10 секунд.

Мне кажется, нужно создать какое-то общественное движение или политическую партию, которая будет реализовывать эту цель.

А то мы сейчас поговорили, походим в школы, все это останется на том же уровне.

Может быть, нам об этом подумать?

Тосунян Г.А.: Николай Витальевич, стенограмму заказывайте, мы нашу дискуссию издадим.

На базе этого потом в Отделении общественных наук попробуем обсудить и сделать предложения выше!

Конечно, мы обсуждаем и получаем огромное удовольствие от интеллектуального общения.

Но необходимо, чтобы это приобретало некий формат предложений.

Даже несмотря на то, что, к примеру, в 2020 году мы сделали предложение Правительству, но никакого толку от этого не было. Не буду сейчас вдаваться в подробности.

Но предлагать все равно надо, ибо вода камень точит!

Я думал, что мы почти уложимся в регламент, но, как всегда, мы вышли за его рамки. Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Коллеги, уважение к аудитории обязывало бы меня отказаться от какого-либо слова, так как все устали.

Но все-таки важность проблемы не позволяет этого сделать.

Буквально несколько слов.

Я хочу прежде всего поддержать выступавших, что были очень интересные доклады, которые дали нам конкретную картину состояния образования в мире, в нашей стране.

Очень хорошо и вполне логично обсуждение этих докладов развернулось в нашу заключительную часть, в эту общую дискуссию, общий посыл, который я вижу в следующем.

На самом деле в нашем обществе до сих пор не осознана вся серьезность и фундаментальность роли образования в жизни человека и в жизни общества.

В этом отчасти виноваты мы, представители общественных наук: философии, социологии.

Ведь давайте задумаемся, на чем держится современное общество, национальные государства, которые сложились в рамках новой европейской цивилизации, которые сложились 300–400 лет назад.

На чем они держатся?

В экономике они держатся на рыночных отношениях, во власти они держатся на демократии, что это республиканский способ организации жизни, в культуре они держатся на всеобщем образовании.

Современное общество – это общество, которое из полуобразованного состояния перешло в состояние всеобщей образованности.

Это есть фундаментальная основа существования общества в современном мире.

Я думаю, что в серьезном смысле, конечно, у нас это не реализовано, хотя у нас предпринимаются какие-то мероприятия: лучший учитель, еще какие-то вещи, передовые школы.

Но это такая вещь, которую такими мероприятиями изменить нельзя, здесь должно быть изменено само положение этого феномена в жизни нашего общества.

В этом смысле я согласен с вещами, которые здесь говорились.

Конечно, образование не может быть нацелено только на то, чтобы мы готовили эффективных работников для нашей экономики, для управления, еще каких-то вещей.

Конечно, они должны там эффективно работать, но образование не может ориентироваться только на это.

Оно должно понимать сознание ценности самих знаний, что развитие самого ума человека, развитие интеллектуального роста человека – это является самостоятельной и очень важной задачей.

Конечно, тоже не может быть, на что наше образование ориентировалось многие годы, чтобы детям было легко учиться, чтобы это было им интересно.

Конечно, должно быть интересно, должно быть легко, нельзя мучить детей.

Но здесь я согласен с Робертом Искандеровичем: образование должно быть трудным, оно должно требовать очень много времени, волевых усилий.

Конечно, дифференциация должна быть в образовании, здесь как раз наши докладчики хорошо говорили, что образование при всем том, что оно требует специальных знаний, профессионализации.

Но в саму профессионализацию входит способность креативности, способность творческого решения и подхода.

В этом смысле дифференциация в образовании должна быть, но насколько она должна быть глубокой?

Может ли эта дифференциация доходить до того, что в рамках системы образования складывается какое-то особое сословие людей?

А ведь в нашем образовании очевидным образом видна тенденция на формирование какого-то сословного строения нашего общества в будущем.

Возможности родителей разные, это не может не сказываться на воспитании детей. Это было всегда.

Конечно, мальчик где-нибудь в глубинке в Астраханской области или в Москве получает разные возможности в разных семьях.

Но означает ли это, что если у кого-то очень большие возможности семейные или связанные с местом поселения, то они должны получать отражение в образовании?

К примеру, общеизвестно, что в демократической организованной среде есть ограничения, когда во время избирательной кампании нельзя расходовать больше какого-то количества денег, что нужно ограничиться только какой-то суммой.

Почему в образовании мы позволяем себе создавать какие-то такие элитные учреждения, которые похлеще, чем Царскосельский лицей?

Между прочим, Михаил Яковлевич говорил: они изначально ориентируются на то, чтобы соответствовать международным стандартам, с тем чтобы он потом поехал в Англию, он обязательно туда поедет и так далее.

Я не против того, что должны быть такие возможности у людей, но мы же должны понять, какие это имеет размеры, как это отражается на общем состоянии образования.

Наличие таких возможностей – это не только наличие самих этих возможностей в этом сегменте образования.

Эти возможности потом сказываются на других сегментах жизни общества.

Это очень большие, это просто фундаментальные вопросы, которые прямым образом связаны с судьбой страны, народа, государства.

Здесь можно самые высокие такие вещи говорить, они не будут здесь лишними.

В этом смысле я поддерживаю предложение Гарегина Ашотовича, чтобы это получило продолжение в обсуждении этих же вопросов, но просмотренных уже с точки зрения общих принципов, общих рамок и общей роли места образования в стране.

Прежде всего, конечно, школьного образования, все на нем базируется, чтобы это мы могли обсудить у нас в форме докладов.

Сегодня заявил кто-то о готовности представить нам такой доклад. Спасибо.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо.

Коллеги, видите, как мы друг в друге нуждаемся.

В субботу вместо того чтобы в 3 часа, мы в 4 часа с трудом укладываемся, потому что есть потребность в интеллектуальном общении.

Ключевое, что можно выделить, это то, на что Абдусалам Абдулкеримович и Роберт Искандерович обратили особое внимание.

Главная цель образования – это интеллектуальный рост.

Но я сюда добавлю, и вы наверняка согласитесь, это не только интеллектуальный, но и нравственный рост!

Потому что только интеллектуальный рост без нравственного, только приобретение навыков недостаточно, будь то soft skills, hard skills, навыков, которые давали бы возможность быть эффективными в производстве, в выбранной сфере экономической деятельности.

Все это важно и необходимо в первую очередь для того, чтобы был нравственно-интеллектуальный рост.

На это должно быть нацелено образование.

Я уверен, что Александр Владимирович, пройдя через многие-многие свои траектории движения, разделяет эту позицию!

Все, что Александр Владимирович делает, он делает фундаментально и полноценно.

Я горжусь тем, что в какой-то степени, когда ему был 21 год, мы с коллегами формировали систему финансового рынка и, наверное, что-то из «базовых ценностей» тоже передали ему, чем-то обогатили друг друга, в частности, вот таким подходом.

Это очень здорово, что в твоей школе заложены эти базовые ценности.

Я думаю, что все выступавшие сегодня этому придали особую значимость.

Михаил Яковлевич в завершение об этом говорил на примере своей школы, Сергей Геннадьевич делал на этом особый акцент, не говоря уже обо всех, кто выступал в комментариях.

Это здорово, что мы действительно близки друг к другу в этих вопросах и мыслим на одной волне, синхронно.

Кстати, надо же искать и разночтения, я нашел одно разночтение.

Кто-то сказал, что от лекции надо уходить, поддерживая идею Александра.

От лекций, на мой взгляд, не надо уходить.

Не могу не вспомнить своих учителей.

Я лекции по математическому анализу на физфаке МГУ слушал как музыку, как мелодию.

Я помню лекторов, это профессор Днестровский, профессор Гончарский.

Это такое изложение мат.анализа, что я спустя много лет после окончания МГУ ездил на эти лекции до относительно недавнего времени, последние 3–4 года не было времени.

Я ездил на физфак, заходил на лекции 1–2 курса.

Правда, уровень лекторов мне показался немного уступающим моим учителям, но сам курс мат.анализа – это на уровне классической музыки!

Я слушал эту мелодию лекционного изложения не только по курсу математического анализа.

Но по философии.

Помню лекции профессора Никонова, с кафедры философии.

Он читал у нас великолепные лекции, на которые стекались студенты с других факультетов.

Просто было потрясающе интересно его слушать!

А на семинарах Никонова уже был интереснейший диалог, глубокий и содержательный.

Поэтому философа Никонова я прекрасно помню.

Я помню академика Блохинцева, который был моим научным руководителем в Дубне, академика Понтекорво Бруно Максимовича. Это физики, чьи ярчайшие лекции было слушать одно удовольствие.

Так что я бы не отметал ни то, ни другое.

Огромное всем спасибо!

Всем удачного дня, недели, года и вообще всего самого хорошего. Главное, здоровья.

Спасибо.

Общее образование: проблемы и решения

**Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
29 октября 2022 года**

Выпуск № 14

Электронную версию сборника и презентации докладчиков
можно скачать по QR-коду

Подписано в печать 19.07.2023
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 73

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний
НКС ООН и НИИ ДДиП

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
3. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
4. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
5. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
6. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

7. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
8. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
9. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 128 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по QR-коду

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Целью института является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Этот институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.